

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

ГОРЯЩИЕ КАМНИ

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Окопная правда Победы. Романы,
написанные внуками фронтовиков

Евгений Сухов
Горящие камни

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухов Е.

Горящие камни / Е. Сухов — «Эксмо», 2021 — (Окопная правда Победы. Романы, написанные внуками фронтовиков)

ISBN 978-5-04-162204-6

Январь 1945 года. Восьмая гвардейская армия генерала Чуйкова штурмует город-крепость Познань. В авангарде наступающих сил – батальон майора Прохора Бурмистрова. Бойцы выбивают немцев с железнодорожной станции, форсируют реку Варта и захватывают один из фортов крепости. Однако, оправившись от первого удара, фашисты бросаются в контратаку и блокируют наших на верхних этажах здания. Счет между жизнью и смертью пошел на минуты. Бурмистров понимает, что прорываться сквозь кольцоседающих гитлеровцев придется своими силами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-162204-6

© Сухов Е., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	33
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Евгений Сухов

Горящие камни

© Сухов Е., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

ОКОПНАЯ ПРАВДА

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

**ГОРЯЩИЕ
КАМНИ**

МОСКВА 2022

Глава 1

Оперативное совещание

Познань, 24 января 1945 г.

С потемневшего неба густо валил мохнатый липкий снег. На крышах средневековых зданий, вплотную подступавших к крепостным стенам, образовались высокие шапки. За какой-то час белоснежная непроницаемая пелена толстым мягким покрывалом окутала поле, развороченное взрывами, разбитую закопченную технику, тут и там торчащую на поверхности. Мягкий пушистый ковер скрыл от взора все то, что оставалось от недавнего сражения. Танки, присыпанные снегом, представлялись сугробами, а покореженные орудия с вывернутыми лафетами, потерявшие всякую геометрическую стройность, виделись остатками древних руин.

Поле неровное, в шатких кочках. Это вовсе не особенности рельефа, а трупы солдат, своих и чужих, присыпанные свежим снегом. Похоронные команды не успели убрать их в прошедшую ночь.

Только близ крепостных стен, черневших вдаль неровной лентой, целостное снежное покрывало было изуродовано язвами разрывов. Немного в сторонке поле пересекали две свежие полосы рубчатой колеи от танка, прошедшего там совсем недавно.

Крепость Познань, построенная на перекрестках главных дорог, ведущих в северную и южную часть Европы, с прямым сообщением до Берлина, имела важное стратегическое значение. Эта твердыня, расположенная на господствующих высотах, буквально подавляла окружающее пространство своим величием. Целое тысячелетие всякие короли и императоры укрепляли стены крепости, как будто представляли, какое испытание ожидает ее в будущем. Они были такие же толстые и мрачные, как и сама история Познани. Полковыми пушками такой камень не пробить, тут требуются орудия посерьезнее.

Отмычкой для таких ворот могут стать штурмовые инженерно-саперные батальоны, прекрасно зарекомендовавшие себя еще в июле сорок третьего года, когда Шестьдесят второй армии пришлось держать оборону на правом берегу реки Северский Донец, неподалеку от Славянска. В августе была проведена Донбасская наступательная операция, в результате которой Красная армия освободила Харьков.

Прекрасно зарекомендовали себя инженерно-саперные подразделения и при освобождении Одессы и Люблина, где действовали в полном взаимодействии с пехотой, следовавшей по коридорам, проделанным ими. В этом же ряду стоял и город Лодзь, взятый всего десять дней назад. Так что опыта хватало.

Самые первые штурмовые группы были созданы еще во время Сталинградской битвы и сразу доказали свою эффективность. Бойцы, одетые в броню, бесстрашно лезли в самое пекло. Но в Сталинграде их участие носило локальный характер. Солдаты, вооруженные легким автоматическим оружием, успешно штурмовали этажи, а то и целые здания. Именно тогда был получен первый горький опыт. Штурмовые батальоны, увлеченные атакой, прорывались далеко вперед без поддержки танков и полковой артиллерии и нередко попадали под минометный обстрел, что приводило к тяжелым потерям. Поэтому после выполнения задачи по прорыву эти подразделения отводились в резерв для пополнения.

В этот раз они были усилены штурмовыми орудиями и получили танковое сопровождение. Действовать им предстояло в четком взаимодействии с пехотой.

Василий Иванович Чуйков еще раз внимательно перечитал решение оперативного штаба и одобрительно кивнул. На нескольких страницах убористого текста был собран весь боевой трехгодичный опыт использования штурмовых инженерно-саперных бригад, из которого сле-

довало, что им под силу выполнение задач по прорыву укрепленной полосы противника. Но только при наличии четкого и бесперебойного взаимодействия с артиллерией и при поддержке танков.

«Значит, так и будем действовать», – решил генерал-полковник.

Город-крепость Познань был ничем иным, как вершиной фортификационного мастерства. Каждый камень, уложенный в эти укрепления, предназначался для того, чтобы защитить жителей города и успешно отразить нападение самой многочисленной вражеской армии.

Город окружала стена толщиной до четырех метров, усиленная восемнадцатью фортами и более чем полусотней дотов, имеющих бетонированные крыши, способная выдержать даже налет бомбардировщиков. Расположение каждого дота было тщательно продумано. Их пулеметный огонь перекрывал самые вероятные направления наступления Красной армии, в том числе подступы к мостам через реку Варту, магистральные пути и шоссе-дороги.

В самом городе тоже было немало пулеметных гнезд. Они контролировали подступы к фортам и цитадели, были рассчитаны на ведение круговой обороны. Доты, сооруженные между фортами, через подземные сооружения имели связь с гарнизоном, что было весьма важно для пополнения боеприпасами и на случай возможной эвакуации. На пересечениях магистралей, включая въезды в город, стояли полевые и самоходные орудия.

В четырех километрах напротив наблюдательного пункта Восьмой гвардейской армии, размещавшегося в немецком блиндаже, в вечерних сумерках хорошо просматривался участок «Восток». Это была самая мощная часть оборонительных позиций познаньского гарнизона, где особое опасение вызывали форты «Граф Кирхбах» и «Притвиц», входившие в кольцо внешнего обвода.

Командующий Восьмой гвардейской армией генерал-полковник Чуйков приткнулся к стереотрубе. Он долго осматривал башни крепостей и заметил, что разрушения, полученные после первого штурма, были заделаны так мастерски, как будто их и не было вовсе. Крепостные стены оцетинились многочисленными орудиями, которые сейчас молча дожидались следующего штурма. В том, что он состоится в ближайшие часы, у немцев сомнений не возникало.

Командарму оставалось придумать, как провести этот штурм с минимальными потерями. От фронтального удара следовало отказаться. Немцы именно этого и ожидали. Действовать нужно было похитрее.

Генерал-полковник Чуйков повернул стереотрубу на северную часть города и глянул на излучину реки Варты, на берег которой острым углом выпирала цитадель. Направить главный удар по ней? Тоже хорошего мало. Даже на расстоянии пятнадцати километров было видно, насколько там крепкие стены. Где-то внутри каменного массива укрылись опорные пункты с многослойной системой огня, практически незаметные снаружи. Немцы умели маскировать свои огневые позиции.

Василий Иванович до боли в глазах всматривался в обожженные потемневшие стены, пытался отыскать в них что-то похожее на брешь. Но взгляд его наткнулся лишь на сплошной гранитный массив без единого намека на какую-нибудь слабость.

А что в районе Обры и Обрского канала?

Местность тоже не для пешей прогулки. Район защищен надежно. Угадываются замаскированные артиллерийские позиции, видна многоуровневая система обороны, состоящая из рядов колючей проволоки, чередующихся с минными полями. Все эти преграды, несущие смерть, предстоит преодолеть русскому солдату.

Вчера вечером разведчикам Двадцать восьмого стрелкового корпуса удалось пленить немецкого пехотного подполковника, утверждавшего, что стены крепости неприступны. Кроме новейшего вооружения, еще не попавшего в войска, гарнизон города имел хорошо подготовленные части, показавшие себя с лучшей стороны на Восточном фронте, а также элитные батальоны СС, воевавшие в Белоруссии.

Под угрозой расстрела подполковник изобразил куда более объективную картину. Выяснилось, что в гарнизоне города-крепости немало частей, едва успевших повоевать. Значительный процент составляли отряды народного ополчения, фольксштурма, состоящие из подростков и стариков. Пленный офицер довольно детально нарисовал карту крепости, отметил на ней самые укрепленные места с огромным количеством артиллерийских и минометных батарей, а также пулеметных гнезд, располагавшихся в основном на участке «Восток».

Он заявил, что гарнизон крепости рассчитывает удерживать ее никак не менее пяти месяцев. Защитники Познани убеждены в том, что в течение этого срока Адольфом Гитлером будет применено новейшее оружие, о котором усиленно твердит пропаганда доктора Геббельса весь последний год. Оно способно в одночасье уничтожить армады русских.

Южные и юго-западные районы города обороняли отряды фольксштурма и части люфтваффе. Немецкое командование считало их откровенно слабыми в сравнении с кадровыми пехотными соединениями и особенно батальонами СС. Это мнение всецело совпадало с данными, полученными нашей войсковой разведкой, и личными ощущениями командарма.

Гарнизон города-крепости находился под командованием опытного кадрового военного. Впрочем, в условиях войны на такие важные посты других людей не ставят. Генерал Гоннел еще недавно был полковником, прибыл в Познань и сумел за последнюю неделю отбить три атаки на город, две из которых проводили танковые соединения.

Василий Чуйков отошел от стереотрубы, присел за квадратный стол, на котором тускло горела лампа, и шумно продул гильзу «Казбека».

Была еще одна веская причина, по которой следовало наступать именно с южной стороны. В этом направлении хорошо поработала советская артиллерия, засыпала рвы, разнесла на куски огневые точки. Саперы сделали широкие проходы в минных полях, а танки изорвали в клочья многие ряды колючей проволоки и буквально вдавили в землю первую линию немецкой обороны.

Блиндаж, в котором разместился наблюдательный пункт, был немецким, очень вместительным, обжитым. Прежние хозяева рассчитывали провести здесь всю зиму. Он был разделен на две части. В большей располагался наблюдательный пункт, в меньшей – спальная комната. На стенах, как это заведено в немецких пехотных частях, были наклеены фотографии артисток из немецких фильмов. Это были Кристина Зедербаум, Сара Леандер, Ольга Чехова, Марика Рекк и Лени Рифеншталь, занимавшая в этом соцветии особенное, самое почетное место. Ее снимки висели на всех четырех стенах в образе очаровательной брюнетки в меховом белом манто, коротко стриженной шатенки с вызывающим взглядом, мечтательной барышни с волооким взглядом и зажигательной проказницы, исполнявшей фламенко. В этой актрисе с обескровленным лицом ангела было намешано немало страстей. Прежний хозяин блиндажа определенно испытывал к ней нешуточное влечение.

Василий Чуйков ничего не имел против красивых женщин, так что их снимки продолжали висеть, веселить русского солдата.

В другом углу блиндажа, прямо над панцирной удобной кроватью, на гладко обструганной сосновой доске были наклеены семейные фотоснимки, какие можно увидеть у любого солдата. В целлулоидной мыльнице лежали желтоватый обмылок, кисточка для бритья со слипшимися волосками и безопасная бритва.

Генерал-полковник Чуйков подошел к фотографиям и долго рассматривал их. На одной была запечатлена молодая женщина с двумя детьми – мальчиком и девочкой, – одетыми в баварскую национальную одежду. Они стояли на фоне большого дома, посреди цветущего яблоневого сада. Горизонт заслоняла цепь островерхих гор, утыкавшихся в дымку облаков. Это был не иначе как юг Германии, застроенный добротными домами с резными террасами и цветами на широких подоконниках.

На отдельной фотографии был запечатлен улыбающийся майор вермахта лет тридцати пяти. В нижнем правом углу снимка было написано: «1941, апрель». До начала войны с Советским Союзом оставалось два месяца. Предстоящая кампания виделась жизнерадостному майору забавным приключением, после которого он вернется в родную Баварию, нагруженный соболинами мехами. Тогда, в середине сорок первого, ему даже в самом страшном сне не могло привидеться, что через четыре года немцам предстоит встречать русских на границе Германии.

На правой стороне стены оставалось немного места, где недавно тоже было приклеено фото. От него остался лишь белый уголок.

– А здесь что было? – Командарм повернулся к брату Федору, служившему при нем адъютантом.

– Адольф Гитлер, – ответил Федор Иванович. – Сорвали мы его. А вот семейные фотографии решили оставить. Вроде не мешают. Висят себе, ну и хрен с ними! Если они тебе не нравятся, так можно и содрать.

– Пусть вместо обоев останутся, не страшно. Ты вот что сделай, собери-ка ко мне в штаб часа через полтора командиров корпусов и дивизий, устроим совещание. Есть о чем поговорить. А я тут пока над картами поколдую.

Через час темень скрыла город, и он стал неровным темным пятном. Только когда ночь резанула вспыхнувшая ракета, Познань вновь приобрела строгие очертания, стала на минуту торжественной и величавой. Свет быстро иссяк, и крепость вновь погрузилась в зловещую темноту, словно приснилась.

Ровно через час и тридцать минут на наблюдательном пункте собрался командный состав армии. Место хватило всем. Командиры дивизий, руководствуясь неписанным армейским законом, расселись на табуретках, поставленных вдоль стен, а командиры корпусов разместились за небольшим столом.

Справа от командующего армией сидел командир Двадцать восьмого стрелкового корпуса генерал-лейтенант Рыжов, слева – командир Четвертого гвардейского корпуса генерал-лейтенант Глазунов, напротив – генерал-майор Шеменков, командир Двадцать девятого гвардейского корпуса, рядом с ним – командир Семьдесят четвертой гвардейской дивизии генерал-майор Дмитрий Баканов и командир Двадцать седьмой гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Виктор Сергеевич Глебов.

На столе неярко горела лампа, запитанная от аккумулятора. Она освещала рабочую карту командующего с текущей тактической обстановкой. На ней были отображены запланированные действия корпусов и дивизий, обозначены мероприятия, проведенные в течение последних суток. Они включали в себя постановку полков и отдельных соединений в боевой порядок, организацию взаимодействия различных формирований. На карте были указаны маршруты движения дивизий и фортификационные сооружения немцев. Условными обозначениями отмечались артиллерийские батареи противника, стоявшие впереди крепости, и минные поля. Три из них были уже разминированы прошлой ночью. Не забыты были доты и даже отдельно стоящие танки, прямыми аккуратными линиями обозначены секторы огня пулеметных расчетов.

Карта выглядела слишком уж подробной, перегруженной всевозможными условными обозначениями. Но каждый участник оперативного совещания понимал, что в действительности показана всего лишь часть того, что удалось выявить пешей и авиационной разведкам. Значительная часть артиллерии и пулеметные расчеты противника скрывались в многометровых стенах крепости. Обнаруженные огневые расчеты могли уже поменять свою позицию, а в тех местах, где планировался прорыв немецких оборонительных линий, могли быть установлены минометные батареи.

Каждый советский военачальник прекрасно осознавал, что наступление следует проводить немедленно, основываясь на свежих разведывательных данных. Пройдет совсем непродолжительное время, и тактическая карта безнадежно устареет. Понадобятся новые сведения, значит, свежие языки, желательнее старшие офицеры, конечно же.

Рядом с рабочей картой командующего армией лежала схема местности, скопированная с топографической карты на полупрозрачную бумагу, на которой были указаны места предстоящего форсирования Варты и немецкие позиции вдоль береговой линии. Их насчитывалось немало. Преобладали минометные расчеты и артиллерия.

– Топографическая разведка провела большую работу, – низким голосом проговорил командующий, склонившись над картой. – Авиационная тоже постаралась обеспечить нас очень качественными снимками. – Он показал на фотографии, сложенные в аккуратную стопку. – В условиях быстро меняющейся обстановки это крайне важно. – Чуйков посмотрел на начальника штаба армии генерал-майора Белявского, сидевшего напротив него, и продолжил: – Мы тут с Виталием Андреевичем более суток занимались составлением оперативных карт, нанесли на них все, что нам известно по сообщениям всех видов разведки, зафиксировали сведения, раздобытые от языков. В настоящий момент моя рабочая карта выглядит таким вот образом. Она достаточно полная. Командующий фронтом маршал Жуков поставил перед нами задачу взять город в самые короткие сроки. За неделю! – Эти слова окатили генералов холодным душем. – Задача не из легких, понимаю. Но мы обязаны решить ее. Почему город-крепость Познань нужно взять в кратчайшие сроки? В первую очередь это важнейший железнодорожный узел. Через него проходят три железнодорожные ветки. Как только мы его возьмем, станет возможным самым кратчайшим путем снабжать в полном объеме весь Первый Белорусский фронт всем необходимым! Через познаньский железнодорожный узел смогут каждые сутки проходить до восьмидесяти эшелонов с боеприпасами, продовольствием и обмундированием, что, в свою очередь, позволит ускорить победу. Исходя из неудачи предыдущей фронтальной атаки, мы решили поменять план операции по овладению городом-крепостью. Основной наш удар будет наноситься с юга! Против немецкого участка «Восток» мы широким фронтом выставляем Восемьдесят вторую гвардейскую стрелковую дивизию генерал-майора Хетагурова.

Хетагуров, осетин по национальности, худощавый, внешне строгий, принимал участие в Белорусской, Люблинско-Брестской наступательных операциях на Магнушевском плацдарме, расположенном на левом берегу реки Вислы. Именно его дивизия брала город Лодзь, много чем напоминающий крепость Познань. Чуйков несколько не сомневался в том, что опыт командира дивизии, воевавшего на узких улочках средневекового города, где каждый дом представлял собой хорошо укрепленный форт, будет теперь весьма полезен.

Генерал-майор Хетагуров немедленно поднялся.

– Моя дивизия готова, товарищ генерал-полковник, – заявил он. – Мы уже проводили учения, отрабатывали наступательные действия подразделений в условиях города.

– Хорошо. Вы должны будете с самого начала операции отвлекать на себя основные силы немцев, – продолжил командарм Чуйков. – Вам придется пошуметь как следует, чтобы враг засветил все свои секретные огневые точки. Пусть немцы думают, что восточная сторона – это главное направление нашего удара. В действительности же основные силы атакуют с юга. Двадцать седьмая и Семьдесят четвертая гвардейские стрелковые дивизии форсируют реку Варту южнее Познани и выйдут на южную окраину города. Артиллерийские полки помогут огнем во время переправы. Сразу за полями начинаются плотные постройки. Мне излишне напоминать вам, чем именно городской бой отличается от того, который ведется на открытой местности.

– Устроим такой шум, что фрицам уже ни до чего остального не будет никакого дела, товарищ генерал-полковник! – пообещал командарму Хетагуров.

– Как только огневые точки противника будут выявлены, мы накроем их артиллерией. – Василий Иванович замолчал и бросил взгляд на генерал-майора Михаила Ильича Дуку, сидевшего напротив него.

Этот человек пришел в Красную армию из брянских партизан и получил генеральское звание полтора года назад, когда его отряд перерос в бригаду.

– Итак, Двадцать седьмая дивизия отвлечет на себя внимание немцев. После этого твоя Восемьдесят вторая, Михаил Ильич, приступает к форсированию. Сигнал – три зеленые ракеты. Вы выходите вот в этот район. – Чуйков показал на красную стрелку, уверенно пересекавшую реку и углубляющуюся едва ли не к центру города. – В этом месте лед крепче будет. Хотя не нужно забывать, что во время артобстрелов его основательно изрешетили. Во многих местах образовались полыньи. Он может не выдержать большого наплыва пехоты. Одновременно с вами форсирует Варту Семьдесят четвертая гвардейская дивизия. – Чуйков перевел взгляд на крепкого, уже немолодого генерал-майора Баканова, которого хорошо узнал во время Сталинградской битвы, когда тот был заместителем командира Сорок пятой стрелковой дивизии. – Ваша задача: форсировать Варту, выйти на южную окраину города, овладеть станцией Староленко, укрепиться на ней и двигаться по западным окраинам города в общем направлении на север.

– Товарищ командарм, лед на реке вот-вот тронется. Нам нужно немного времени, чтобы подготовиться.

– Значит, вам придется поторопиться, успеть все сделать до того, как лед тронется! – строго проговорил Чуйков.

– Слушаюсь! – с показной бодростью ответил командир дивизии.

– Одновременно с вами город с северной стороны обходит Двадцать восьмой гвардейский стрелковый корпус. – Командарм прочертил на карте синим карандашом большую стрелку. – Твоя задача, Александр Иванович, выйти на северную окраину города, укрепиться, оттуда обойти Познань с западной стороны. Взять город в кольцо нужно в течение суток. Не обольщайтесь, что западная сторона Познани плохо укреплена. По нашим данным, форт «Бонин» является одним из самых укрепленных во внешнем оборонительном обводе.

– Постараемся сделать все возможное, товарищ генерал-полковник, – проговорил командир корпуса генерал-лейтенант Рыжов.

– Вторая наша задача – штурм северных и восточных окраин, – продолжал Василий Чуйков, концом карандаша обводя нужные районы. – Их атаку будем осуществлять одновременно. Каждый из нас уже успел убедиться в том, что Познань – это настоящая крепость. В городе много фортов, укрепленных домов, и каждый из них придется штурмовать. Снаряды дивизионных пушек отскакивают от крепостных стен как сухой горох. Третья задача – взять под контроль центр города. Там сосредоточены самые боеспособные немецкие части, в том числе батальоны СС. Затем штурмуем саму цитадель, которая представляет собой не одну, а несколько крепостей, в каждой из которых имеется собственный, хорошо обученный и отлично вооруженный гарнизон. Дело нам предстоит ой какое нелегкое. Основная тяжесть в наступлении ляжет на плечи инженерно-саперных штурмовых батальонов. За ними пойдет пехота. Приказываю брать в штурмовые батальоны только молодых и крепких красноармейцев, отсеять всех, кому за сорок!

– Товарищ командующий, у меня в дивизии много крепких сорокалетних бойцов. Военный опыт у них немалый. Фору молодым дадут запросто! Может, поднимем возрастные рамки хотя бы сорока пяти? – проговорил генерал-майор Хетагуров.

Чуйков хмыкнул и заявил:

– Что же так, до сорока пяти? Давай сразу до шестидесяти поднимем! – Он строго взглянул на командира дивизии и уже с серьезными интонациями, давая понять, что дело важное, продолжил: – Возможно, силенок у них, как они сами считают, и достаточно. На молодых

молодцами посматривают. Да вот только мало этого бывает, чтобы немца победить. В военной обстановке быстро соображать нужно, а бегать еще скорее! Реакция должна быть мгновенной! Это я по себе знаю. Вроде бы и не старый еще, и в зубы могу дать любому так, что челюсть отвалится, но вот за двадцатилетними мне уже не угнаться. Да что там говорить! – Командарм с досадой махнул рукой. – Меня и тридцатилетние обстают. Все ясно? – Он хитро глянул на Хетагурова.

– Так точно, товарищ генерал-полковник!

– В этот раз долгой артподготовки перед атакой не будет, – негромко проговорил командующий армией. – Мы станем действовать иначе. Пехота встает и идет вперед под прикрытием артиллерийского огня. Пушки пять минут бьют над головами солдат по дальним целям, подавляют живую силу и огневые средства немцев. Умолкает артиллерия, пехота залегает. Противник ведет огонь, наши наблюдатели засекают, откуда именно. Потом взлетают три зеленые ракеты. Артиллерия бьет по выявленным целям. Пехота поднимается и устремляется к крепости. Так будет продолжаться до тех пор, пока солдаты не подойдут к городу. Еще вопросы есть, товарищи? – Чуйков обвел участников мероприятия потяжелевшим взглядом.

За прошедшие сутки это было второе оперативное совещание командного состава. Первое состоялось двадцать часов назад. Тогда в результате непродолжительного обсуждения было выработано совместное решение по штурму Познани, определен порядок наступления дивизий. То немногое, что еще оставалось нерешенным, рассматривалось оперативным штабом и доводилось до сведения командиров корпусов и дивизий.

До данного момента оставался открытым вопрос об артподготовке, в которой обычно бывает задействована дивизионная и армейская артиллерия.

В течение прошедшего года бойцам Восьмой гвардейской армии не однажды приходилось брать крупные населенные пункты с многополосной обороной и города со средневековыми крепостями, но ни один из них не был укреплен так основательно, как Познань.

Участники совещания полагали, что штурм начнется после усиленной многочасовой артподготовки, когда будут подавлено большинство огневых точек противника и разрушены его оборонительные сооружения. Но оперативный штаб решил иначе. Пехота встанет и пойдет вперед с первыми залпами орудий. Под прикрытием артиллерийского огня солдаты двинутся к крепости.

Такая вот тактика наступательных действий была принципиально новой. Для пехоты существовал немалый риск угодить под снаряды собственной артиллерии. Командующий армией читал на лицах генералов нешуточное сомнение.

За прошедшие полтора года тактика атаки претерпела значительные изменения, она все более усложнялась. До вчерашнего дня пехота шла в наступление сразу после того, как смолкали залпы артиллерии. После стометрового броска, за минуту до начала нового артиллерийского удара, она залегала. Так повторялось несколько раз, пока солдаты наконец-то не приближались к противнику едва ли не вплотную, на расстояние ближнего боя, броска ручной гранаты. Такая тактика оправдала себя при действиях в Польше. Тамошние укрепления не отличались особой прочностью. Армия Чуйкова щелкала их как орешки.

Сейчас командующий фронтом предполагал поступить иначе. Пехота поднимется вместе с артиллерийскими залпами, которые будут вестись по ближним огневым точкам. По мере ее наступления разрывы снарядов станут продвигаться в глубину эшелонированной немецкой обороны.

– Есть риск, что артиллерия может накрыть огнем свою же пехоту, – высказал общее мнение генерал-майор Баканов.

– Да, такой риск присутствует, – с тяжестью в голосе согласился генерал-полковник Чуйков. – Артиллерия должна работать предельно точно. Другого способа взять Познань в кратчайшие сроки у нас не существует. Если больше вопросов нет, то давайте закончим совеща-

ние. – Он посмотрел на часы и добавил: – Через четыре часа сорок минут начинаем штурм Познани!

Снаружи закрипели ступени. Кто-то очень аккуратно спускался в землянку. После этого дверь распахнулось, и в полутемное помещение вошел капитан Велесов.

«Не совсем подходящее время для разговоров. Мне следует наметить пути продвижения батальона, определить места укрытия, подобрать позиции для пушек», – подумал Бурмистров, постарался спрятать неудовольствие и спросил:

– У тебя дело ко мне?

– Да, небольшое, – ответил Михаил.

– Какое именно? – Бурмистров продолжал мерить расстояния на карте длинным циркулем.

– Прохор, я не хочу отлеживаться в тылу. Я ведь не для этого на передовую приехал, – хмуро обронил Велесов.

Майор Бурмистров наконец-то отложил в сторону циркуль и проговорил:

– Ты находишься не в тылу, а при штабе дивизии. Такая работа необходима, без нее не бывает побед.

Михаил обратил внимание на то, что с момента их последней встречи Прохор немного изменился внешне. Он посуровел, в глазах его стояла затаенная грусть. В полку знали его другим, серьезным собранным командиром, вникающим в малейшие детали быта своих солдат, в трудных операциях умеющим просчитывать ходы наперед и никогда не рискующим понапрасну. Друзья помнили его шумным весельчаком, ценящим веселую шутку и крепкое словцо.

Истинная причина его удрученности была известна лишь одному Велесову. Такой взгляд присущ человеку, испытавшему глубокую любовную драму. У его старинного товарища произошла эрозия души. Неужели он до сих пор вспоминает Полину? Ведь столько лет прошло с того времени!

Догадка, пришедшая на ум, бросила Михаила в жар. В блиндаже царил полумрак, и вряд ли майор Бурмистров разглядел его внезапно вспыхнувшие щеки.

– Забери меня к себе, в инженерно-саперный штурмовой батальон.

– Это не в моей власти.

– Ты можешь сказать, что я тебе необходим.

– Вон куда ты повернул. Что я смогу тебе предложить? Командовать артиллерийской батареей? Или, может быть, ты согласишься принять должность ваньки взводного? У тебя есть такой опыт? – Майор Бурмистров в упор посмотрел на капитана Велесова.

Внешне Прохор все еще напоминал старинного товарища, но в действительности сейчас перед ним был человек, которого он совершенно не знал.

– Может, тебя наводчиком орудия поставить или замковым? Но ведь стрелять из пушки – это тоже военная наука. Этому тоже необходимо учиться. Предположим, поставлю я тебя помощником заряжающего, так ты в первом же бою погибнешь!

– Я не погибну.

Майор Бурмистров тяжело вздохнул и проговорил:

– Если бы ты знал, сколько раз я слышал подобные слова. Бывало, смотришь на человека и думаешь, что смерть не про него. Кто угодно лечь может, но только не он! Казалось бы, столько в нем жизни, что на троих с лихвой хватит! Ан нет. Живет этот ухарь только до первой атаки. Потом думаешь, дескать, как же это я не рассмотрел на его лице печать смерти? Ведь она там была. Понимаешь очевидное только задним умом, видишь, что следовало только присмотреться повнимательнее. В прошлом месяце к нам генерал один приехал с инспекцией. Поселили мы его в блиндаже, расположенном аж в пяти километрах от передовой. По нашим фронтowym понятиям это глубокий тыл! На передке такая тишина установилась, что в мирной

жизни не всякий раз встретишь. Как-то раз шарахнули немцы из гаубицы всего-то одним снарядом. Он точно прилетел в тот самый блиндаж, где генерал разместился! От него только один погон остался. Вот оно как бывает. Оставайся при штабе, так будет лучше для всех. Тебе нужно уцелеть. Ты талантливый архитектор, еще принесешь немало пользы Родине. После войны все разрушенное заново отстраивать придется.

Михаил Велесов посмурнел. Такого разговора он явно не ожидал.

– Кажется, я тебя понимаю. Ты сможешь мне ответить честно?

– Попытаюсь, – глухо ответил Бурмистров, вновь беря в руки циркуль.

– Я знаю, почему ты не хочешь брать меня к себе.

– Вот как. И почему же?

– Если меня вдруг убьют, то ты вынужден будешь писать Полине на меня похоронку и рассказывать, как это произошло. Еще больше ты боишься ее упрека в том, что не сумел меня удержать и сам отправил на опасный участок. Вот только не нужно за меня ничего решать. Я и сам знаю, что должен делать.

В землянке установилась напряженная тишина. Огонек коптилки вздрогнул на сквозняке и осветил самый дальний угол, где на табурете стоял аккуратный темно-серый дерматиновый чемоданчик, а в нем – портативный граммофон с открытой крышкой. В корпус был встроен рупор, на блестящей круглой мембране поблескивали красноватые искорки. Рядышком в бумажной аккуратно потертой упаковке пряталась пластинка.

Михаил Велесов прекрасно помнил этот граммофон, подаренный Прохору его отцом на совершеннолетие. Не однажды их компания собиралась у него дома и танцевала под музыку. Тогда даже у самых сочных и чистых голосов, записанных на пластинки, по мере прослушивания непременно появлялась какая-то хрипотца и визгливость. Это зависело от изношенности иглы. Поэтому через каждые три-четыре минуты ее приходилось менять. Счастливого было время. Жаль, конечно, что оно давно уже прошло.

Прохор перехватил взгляд Михаила, сжавшего губы в длинную узкую линию, печально улыбнулся и ответил на немой вопрос друга:

– Да, это тот самый патефон. Я тогда понял, что у вас с Полиной все серьезно, и решил строить другой мир, в котором нет места для нее. Вот только по-настоящему так этого и не сделал.

– Это когда мы остались у тебя втроем в последний раз?

– Да.

– Значит, ты тогда уже решил, что мы больше никогда не увидимся и нашей дружбе придет конец?

– Я знал, что мы когда-нибудь повстречаемся, и, видишь, не ошибся, – проговорил Прохор. – Сразу после того вечера я подал документы в военное училище, в институт уже не вернулся.

– Ты не пытался поговорить с Полиной?

– Она тебе ничего не рассказывала?

– Нет.

– Перед тем как подать документы, я пришел к ней домой, сказал все как есть. Чего уж тут лукавить, объяснился. Она сказала, что любит тебя. Поднимался к ней в квартиру один человек, у которого оставалась хоть какая-то надежда, а выходил оттуда уже совершенно другой.

– Твой уход в военное училище был для нас очень неожиданным. Потомственный интеллигент с перспективой научной карьеры!.. Трудно было представить тебя в военной форме.

– Такой выбор был неожиданным и для моих родителей, и для меня самого. Тогда мне просто хотелось забыть свою прошлую жизнь, начать другую, а иного радикального средства я придумать так и не смог.

– Если со мной произойдет что-то неприятное, то никто не будет тебя обвинять. Это только мое решение, больше ничье. – Михаил расстегнул наружный карман гимнастерки, вытащил лист бумаги, сложенный вчетверо, уже изрядно затертый по углам. – Тебе не нужно будет ничего объяснять. Здесь написано все, что я хотел бы сказать. Ты всего лишь отправишь его на мой адрес.

– Хорошо, – забирая листок, согласился Бурмистров. – Вижу, что ты не можешь поступить по-другому. Что ж, пусть так оно и будет. Командиром разведвзвода ко мне пойдешь? Должность старшего лейтенанта, а ты капитан. Однако ничего другого я тебе предложить не могу.

– Ты еще спрашиваешь!

– Будешь при мне. Я всегда тебе подскажу, что и как надо делать. В твоём подразделении опытные разведчики. Я вместе с ними воюю уже не один год. Они тебе помогут. Парень ты хваткий, наблюдательный. Выносливостью тоже не обижен, так что быстро поймешь, что к чему. А со штабом я договарюсь.

– Значит, мы опять будем вместе?

– Надеюсь, ты не против. Но хочу тебя предупредить, что разведчики – народ особый. У каждого из них своя изюминка. Комаров, например, отличный следопыт. Бондаренко далеко и очень метко бросает гранаты. Гареев проворный как кошка, умеет бесшумно снимать часовых. Сержант Мошкарев умен, хитер, может подбодрить товарищей даже в безвыходных ситуациях. Ты со своими знаниями тоже придешься ко двору. – Прохор поднялся, снял с крючка полушубок. – Пойдем, я тебя с ними познакомлю. Прежде командиром взвода был старший лейтенант Хворостин. Неделю назад его ранило, сейчас он в Куйбышеве на лечении. Осколком правую кисть рассекло. Похоже, что отвоевался. Вместо него пока сержант Мошкарев, я все замену ему подыскиваю. Будешь пока за старшего, а там поглядим. А что касается женщины... – Прохор вдруг остановился, чуть помолчал, потом продолжил: – У меня есть такая. Не знаю, как сложится дальше, но она мне нужна.

– Как ее зовут?

– Вера.

Совещание Ставки Верховного Главнокомандования проходило в кабинете Сталина. Первым докладчиком значился Жуков, который должен был рассказать о ситуации, сложившейся вокруг Будапешта. Город, в котором находилась значительная немецкая группировка, был взят в плотное кольцо еще в декабре сорок четвертого. Немцами были разработаны три операции, все под кодовым названием «Конрад», по деблокированию войск.

Первые две их попытки были сорваны Красной армией. Сейчас решалась судьба третьего прорыва. Немцы проводили его с привлечением Пятой танковой дивизии СС «Викинг», имевшей большой опыт выхода из окружений. В боях участвовала также Третья танковая дивизия СС «Мертвая голова».

Пять дней назад немецким танкам удалось разгромить несколько советских подразделений и выйти к Дунаю, разорвав тем самым сплошную линию обороны. Неожиданное появление вражеских войск у реки создало на переправах хаос и сумятицу. Командование Красной армии вынуждено было подорвать понтонные мосты через Дунай, в районе Дунапелете и Дунафельдвар, чтобы не дать немецким танкам форсировать реку и воспрепятствовать продвижению противника на освобожденную территорию.

Через три дня боев Красная армия оставила Секешфехешвар. Не помогли даже несколько сотен самоходных установок СУ-100, отправленные ранее маршалу Толбухину для исправления ситуации. Еще через день дивизия «Мертвая голова» захватила южную часть населенного пункта Барачки, расположенного неподалеку от Будапешта.

На этом немецкое контрнаступление не остановилось. На следующий день полсотни вражеских танков совершили марш-бросок по советским тылам, сумели приблизиться к Будапешту на пять километров.

Маршал Жуков подошел к карте, посмотрел на Сталина, курившего трубку, и начал доклад:

– По нашим данным, ударные возможности Четвертого танкового корпуса СС исчерпаны. В ходе боев немцы потеряли до четверти личного состава и в настоящее время переходят к обороне. Мне представляется, что сейчас создалась благоприятная обстановка для нанесения серьезного удара по танковым группам. В первую очередь по юго-восточному выступу, вклинившемуся в нашу оборону. Чтобы опрокинуть эту группировку, нужно не менее двенадцати дивизий. Маршал Толбухин, отвечающий за внешнее кольцо окружения Будапешта, располагает такими возможностями. Я уверен в том, что ему следует предоставить стратегическую самостоятельность. Одновременно по этому выступу следует ударить Двадцать третьему танковому, Сто четвертому стрелковому и Пятому гвардейскому кавалерийскому корпусу.

– У немцев сохраняется преимущество в танках? – спросил Сталин, сжимая в ладони трубку.

– Это преимущество небольшое, – уверенно ответил маршал Жуков. – По нашим данным, у немцев в настоящее время около трехсот танков против наших двухсот пятидесяти. Но они испытывают недостаток в пехоте, которая позволила бы им закрепиться на завоеванных позициях, а у нас она есть. Сил для деблокирования города у них не останется.

– Думаю, что это разумное решение. Нужно предоставить товарищу Толбухину самостоятельность, тем более что нынешний немец уже не тот, что был в сорок первом.

– На Прибалтийском фронте началась наступательная операция по разгрому немцев в районе Мемеля. Войска фронта Шестой гвардейской и Пятьдесят первой армий к исходу дня продвинулись от одного до трех километров. Третий Белорусский фронт на Кенигсбергском направлении на всю глубину прорвал долговременную оборону на западном берегу Дайме. Особенно удачно действует Второй Белорусский фронт. – Острый конец указки, сжатой в руке Жукова, остановился на красных стрелках, выдвинувшихся далеко вперед. – На отдельных участках армии прошли до двадцати пяти километров и заняли свыше восьмисот населенных пунктов. В центре фронта танковые корпуса вышли к Балтийскому морю севернее города Эльбинг. Семидесятая армия подошла к восточной окраине города-крепости Торн.

– Что вы можете сказать по крепости Познань? Взятие в кратчайшие сроки такого города – важнейшее политическое дело. Это ключ к Берлину. Мы ни в коем случае не должны забывать об этом.

– Именно так, товарищ Сталин. Поэтому я отдал приказ, чтобы город был взят в течение семи дней.

– Это возможно?

– Уверен, что возможно, товарищ Сталин. Восьмая гвардейская армия уже вышла на окраины города.

– Наш опыт показывает, что ни один город-крепость мы не брали в такие рекордно короткие сроки. Надо отдавать выполнимые приказы. Ведь немцы сражаются за каждый дом, за любую улицу. Если мы отдаем приказ, а он не исполняется, значит, командующий нарушил решение Ставки. Мы обязаны будем его наказать. Давайте исходить из реальности. За неделю Познань не взять. Сейчас этот город сдерживает у своих стен семь наших дивизий. Это много! Они могли бы нам пригодиться на Одерском плацдарме. Товарищ Жуков, сообщите командующему армией Чуйкову, что Ставка дает ему на взятие города десять дней.

– Сегодня же передам Чуйкову решение Ставки.

Глава 2

Я наконец-то нашел свой дом

Июнь 1944 г.

В начале февраля сорок четвертого года на Белорусском фронте на всем протяжении линии соприкосновения с немцами шли вялотекущие позиционные бои. Но каждый красноармеец понимал, что намечается нечто серьезное. На то указывали косвенные причины. На передовую линию зачастило высокое начальство из штаба армии, а по ночам из тыловой глубины подтягивалась техника. Рев дизельных моторов заглушали самолеты, летающие над первой линией нашей обороны.

Так оно и получилось. В конце февраля правое крыло фронта провело Рогачевско-Жлобинскую наступательную операцию, в результате которой советские войска вышли к Днепру. На правом его берегу они отвоевали крупный плацдарм и освободили город Рогачев.

Вера работала в сортировочном эвакуационном госпитале, размещавшемся в школе, куда с ближайших позиций санитарные машины свозили контуженых и раненых бойцов. Кроватями были забиты все помещения, во дворе стояли две большие палатки.

Раненые поступали сплошным потоком. Поначалу госпиталь был рассчитан на триста человек, потом его расширили до пятисот коек, а через месяц – до одной тысячи.

Работы было много, причем очень сложной. Врачи обязаны были поставить диагнозы пациентам, поступающим к ним, провести медицинскую сортировку. Если того требовали обстоятельства, то они оказывали раненым неотложную помощь, а затем распределяли их по лечебным учреждениям госпитальной базы.

Старший лейтенант медицинской службы Вера Колесникова отвечала за прием людей, а также за подготовку тяжелораненых для дальнейшей эвакуации в глубокий тыл. Сложностей хватало. Боевая обстановка постоянно менялась. Даже в тылу, где, казалось бы, уже не встретишь немецких танков, нельзя было уберечься от бомбардировки. Катастрофически не хватало собственных автомобилей, которые работали буквально на последнем издыхании. Потому госпитальному начальству нередко приходилось обращаться за помощью к командирам дивизий, просить их, чтобы хоть как-то помогли с техникой.

Дороги были разбиты не только бомбардировками. Танки, шедшие в наступление, мигом превращали асфальтовое покрытие шоссе в мелкую труху. Поэтому многие из раненых нередко так и не дожидались помощи, умирали по пути в госпиталь, и это было горше всего. Могильные холмики с фанерными звездами оставались на всем пути продвижения сортировочно-эвакуационного госпиталя.

Отправив очередную партию раненых в эвакуацию, Вера повязала голову темно-серой невесомой шалью, напоминавшей паутину, и вышла на свежий морозный воздух. Климат в Белоруссии был не такой, как в Тобольске, откуда она была родом. Там сурово, заснежено. Здесь же леденящая стужа то и дело прерывалась оттепелью, оставлявшей на белоснежной глади черные проталины.

Дышалось легко. Полной грудью. В кармане смятая пачка папирос. Ей очень хотелось курить, хоть ненадолго позабыть то, что довелось пережить сегодня, в облаке едкого табачного дыма.

К табаку Вера пристрастилась не сразу. Сначала она покуривала за компанию, а потом в какой-то момент обнаружила, что папиросная отравка стала для нее потребностью.

Она невольно улыбнулась, когда вспомнила, какой ужас увидела на лице матери, заставшей любимую дочь с папиросой в зубах. Странная штука память. Она способна воскрешать,

извлекать из глубины сознания яркие образы и обрывки давно минувших дней, дорожка к которым, казалось бы, уже давно заросла.

Не стесняясь присутствующих, мать отчитала Веру за скверную привычку. Пусть ее укор звучал и не так категорично, с мягкими материнскими интонациями, даже как-то интеллигентно, но Вере в тот раз стало немного не по себе.

«И что мне сказать твоему отцу, профессору медицины? Что его разлюбезная дочь стала заядлой курильщицей? Знаешь, что он мне на это ответит? Он просто не поверит!»

Со стороны могло показаться, что закурившая дочь расстраивала ее куда больше, чем если бы она получила ранение. Как ей объяснить, что Вера – давно уже не прежняя девочка? Она уже выросла, а за то время, что находится на войне, пережила и увидела столько горя и боли, что их хватило бы на несколько обычных жизней.

Вряд ли отец, который был просто без ума от своей умницы и красавицы дочери, укорил бы ее хоть словом.

«Доченька, ты же знаешь, что наша семья из потомственных врачей. Твой прадед был лейб-медиком у Александра Второго! Никто из них никогда не курил».

А вот здесь мать лукавила. В семейном архиве имелась фотография, где ее дед, Андрей Павлович Абросимов, работавший в Первой Градской больнице, сидел за письменным столом с трубкой в руках.

«А как же Андрей Павлович?» – посмела возразить Вера.

«Это было баловство, – нашлась матушка и раздраженно отмахнулась. – По-настоящему он никогда не курил».

Вере пришлось демонстративно затушить папиросу и пообещать матери, что это был последний табак, выкуренный в ее жизни.

Первые две недели она еще могла обойтись без папиросы. Но когда на нее нахлынула новая волна переживаний, пришедших вместе с очередным потоком раненых, Вера не удержалась и вновь задымилась. Теперь она делала это постоянно, за что ей было невероятно стыдно перед матерью.

Стесняясь любопытных взглядов, Вера отошла подальше от госпитального корпуса, закурила, по-мужски глубоко втянула в себя горькую струю табачного дыма.

– Девушка, вы не подскажете, где тут приемное отделение? – услышала она молодой мужской голос.

Обернувшись, Вера увидела высокого чернявого капитана с сухим лицом и жестким взглядом. Когда они встретились взглядами, черты лица этого человека сразу же заметно пообмякли, подобрели, губы сложились в приветливую улыбку, и сам он в этот момент сделался значительно симпатичнее.

Как и любая другая женщина, Вера всегда невольно оценивала каждого мужчину, хоть капельку понравившегося ей. Выйдет с ним что-нибудь или нет? Сейчас ее сердечко, истосковавшееся по любви, буквально запело. Да, выйдет непременно, это он, тот самый! Встречаются такие парни, которые нравятся сразу. Они вроде бы ничего специально для этого не делают, ведут себя естественно, непринужденно, но женщина невольно начинает понимать, что именно с ним может получиться тот самый красивый роман, о котором она всегда мечтает.

То ли этот капитан сумел прочесть потаенные девичьи мысли, то ли сам почувствовал нечто похожее, но его улыбка вдруг стала еще шире.

– Это вон то строение. – Вера поспешно показала на двухэтажное добротное здание, стоявшее по правую сторону от нее. – Вход с торца. Нужно пройти прямо по коридору, а потом... нет, вы не найдете. – Она швырнула папиросу в сторону. – Давайте я вас провожу.

– Так вы же не докурили, – обескураженно и несколько виновато проговорил капитан.

– Мне уже пора. А потом, мне мама запрещает курить, нужно отучаться от этой скверной привычки, – серьезно проговорила Вера, чем вызвала у парня добродушный смех.

– Вы очень послушная дочка.

– Да, этого у меня хватает.

Они прошли в коридор, переполненный ранеными, в основном тяжелыми. Легкораненые, которых было меньше, уже отсортированные, держались в стороне и дожидались отправки в госпиталь.

В помещении пахло медикаментами. В воздухе отчетливо угадывалась смесь свежей крови и застоялого гноя.

– Вы кого-то хотели навестить? – спросила Вера, повнимательнее всматриваясь в лицо капитана.

Откуда берутся такие красавчики? Что за матери их рожают для того, чтобы вгонять девок в грех? Она почувствовала, как к лицу ее прилила кровь. Вера отвернулась. Ей захотелось верить, что капитан, шедший рядом, не заметил ее смятения.

– Друга. В грудь ранен.

– Как его фамилия? – осведомилась Вера.

– Старший лейтенант Воробьев, – с некоторой надеждой ответил ее новый знакомый.

– Его привезли вчера, да? – Вера остановилась, пристально глянула на капитана.

Слегка выступающие скулы, прямой нос с небольшой горбинкой, серые глаза с легким прищуром, острый взгляд, как будто направленный через прицел. Волевой подбородок с крупной ямочкой в самой середине. Парень рослый. На такого приятно смотреть снизу вверх, ощущать себя крошечной девочкой, чувствовать его защиту. Наверняка у него очень сильные руки. Как хорошо было бы положить ладони ему на плечи и ощутить их крепость.

До чего только не додумаешься, глядя на симпатичного, располагающего к себе парня. А все потому, что нет никакой личной жизни. Да и как можно думать на войне о чем-нибудь таком? Каждый новый день проходит как в угаре, в точности напоминая предыдущий. Бесконечный поток раненых, которых нужно принять, позаботиться о них. Так что для подавляющего числа больных она в одном лице и врач, и сестра, и даже мать.

За время работы через ее руки прошло такое количество раненых, что все они представлялись ей теперь на одно лицо. Запоминались лишь особенно тяжелые и те, кого не удалось спасти.

Этого старшего лейтенанта с осколочным ранением в грудь она помнила особенно хорошо. И не только потому, что находилась тогда на приемке. В память врезалось его белое лицо, искаженное болью. Было видно, с каким мужеством он преодолевает страдание. Его ранение относилось к особо тяжелым, был риск, что повреждена диафрагма, а в этом случае нарушается естественная граница между брюшной и грудной полостью. Как правило, в таких серьезных случаях процент выживших бывает небольшой.

Старший лейтенант был в сознании, терпел невыносимые боли. Докторам оставалось только удивляться его волевым качествам. Он должен был бы неистово кричать от каждого вдоха, однако лишь крепче стискивал зубы. Медики немедленно подготовили Воробьева к эвакуации и отправили с первым подошедшим эшеленом.

– Я помню его, – негромко произнесла Вера с явным сожалением в голосе. – У него было тяжелое ранение в грудь. Легочной недостаточности не наблюдалось, он дышал хорошо. Мы его отправили первым же эшеленом. Такие раненые едут в отдельном вагоне. Он будет направлен в специальный торакоабдоминальный госпиталь.

– Ах, вот оно что, – сказал капитан и тяжело вздохнул.

Его лицо помрачнело. Свет, еще какую-то минуту назад буквально лучившийся из глаз, вдруг разом потускнел.

– Может, обойдется? Есть надежда на выздоровление?

– Будем надеяться, что он поправится. – Вера попыталась утешить капитана. – За ним в поезде будет хороший уход. Ехать недалеко, всего несколько часов.

– А куда его отправили?

– В триста шестой госпиталь. Он находится недалеко от железной дороги. На станции поезд уже будут ждать госпитальные машины.

– Да, понял вас. А я думал, что ему уже операцию сделали.

– У нас нет подходящего оборудования для таких серьезных операций. Мы не сумели бы обеспечить ему соответствующий уход.

– Понимаю, – невесело проговорил капитан. – А как вас зовут? – Этот вопрос прозвучал неожиданно.

– Старший лейтенант медицинской службы Вера Колесникова.

– А я просто Прохор, товарищ старший лейтенант.

– Тогда я – просто Вера.

– Я понимаю, вам нужно спешить. Вы не будете возражать, если я к вам зайду завтра вечером? – Он тут же с досадой осадил себя: – Нет, завтра вечером никак не смогу. А если послезавтра вечером?

– А на завтрашний вечер у вас другое свидание запланировано?

– Вовсе нет, – с некоторой обидой произнес Прохор. – Служба! Вы не подумайте ничего такого. У меня чай есть очень хороший. Для особого случая берегу. Мы с вами чайку попьем. К нему трофейный шоколад имеется.

Вера улыбнулась. Как же мало нужно на фронте, чтобы уговорить девушку на свидание. Пообещай ей трофейный шоколад, и она не устоит. Случись их знакомство в мирное время, этот парень проявил бы куда большую изобретательность. Он достал бы билеты в театр, сводил бы ее в кино, цветами бы задаривал, а тут все просто. Плитка немецкого шоколада заменяет самые долгие ухаживания.

– Хорошо, от чая не откажусь. Вот если бы вы мне пачку немецких сигарет предложили, тогда было бы совсем здорово. А то от нашей махорки у меня горло дерет, – честно призналась Вера.

Прохор расплылся в добродушной улыбке.

– Принесу непременно! – пообещал он. – По мне немецкий табак – так это не курево вовсе, а одно баловство. Дедовский самосад ни с одним немецким элитным табаком не сравнится!

– Возможно... Тут дело вкуса. Так я вас жду, – произнесла Вера, попрощалась и скорым шагом заторопилась в приемный покой.

К эвакуации была подготовлена группа, состоящая из пятисот человек, среди которых половина была тяжелых. Они уже третий час ждали военно-санитарный поезд, но он по какой-то причине опаздывал. На войне подобная задержка – дело обычное. Скорее всего, немцы разбомбили железную дорогу, и путевые бригады теперь в спешном порядке занимались их восстановлением.

У самого порога приемного отделения старшего лейтенанта Колесникову остановил начальник госпиталя подполковник Борянский.

– Вера, мне тут позвонили, – сказал он. – Через полчаса должен подъехать санитарный поезд. От нашего госпиталя старшим поедете вы. – Рассмотрев на ее лице нечто, похожее на протест, подполковник виновато добавил: – Поймите меня правильно. Больше никому. Конечно, я хотел бы вас оставить в госпитале, но что поделаешь. Нужно! Вы высококлассный специалист, ваша помощь в дороге будет необходимой. Не отправлять же мне в самом деле старшину Лепешкина! – в сердцах произнес Борянский.

– Все так, Егор Ильич, – ответила Вера, понимая, что не будет ей ни обещанного шоколада, ни встречи с понравившимся капитаном.

А ведь она себе уже успела черт-те что нафантазировать! Как было бы здорово, если бы случайная встреча и в самом деле привела к красивому роману.

– Так вы готовы?

– Готова.

– У вас есть пятнадцать минут на то, чтобы собрать все самое необходимое, – произнес подполковник, пожелал ей удачной дороги и заторопился по коридору.

Странная это штука – память. Вроде бы и поговорила она с Прохором немного, такое знакомство даже шапочным не назовешь, а улыбающийся капитан врезался в память так крепко, что уже не забыть. Так и придется теперь жить какое-то время с этой занозой.

В чем же причина? Почему он не уходит? Мало ли было на фронте таких встреч! Не перечить! Никто так не вспоминался. Стерлись все, как если бы она сама по памяти провела ластиком. А тут саднит душа, и не знаешь, как унять эту странную боль.

А все потому, что Прохор не похож ни на кого другого из тех, с кем до этого сводила ее судьба. Вряд ли случай предоставит Вере второй шанс встретить человека, который так подходил бы ей.

Последующие три месяца фронт неумолимо двигался назад. За ним, оставаясь во второй полосе, неизменно следовал эвакуационный госпиталь.

Вторая встреча с Прохором случилась так же неожиданно, как и первая. На войне такое бывает. Произошло это близ небольшой белорусской деревушки с символическим названием Счастливая.

В облике майора, проходившего неподалеку от нее, что-то вдруг показалось Вере знакомым. Во всяком случае осанкой, жестом, даже поворотом головы он очень напоминал ей Прохора. Вот только смущало звание. Ведь он раньше был капитаном.

Когда военный повернулся к ней лицом, Вера невольно обмерла. Перед ней и в самом деле стоял Прохор! Бывает же такое.

На какое-то время весь мир для Веры перестал существовать, будто провалился в глухое безмолвие. Остались только она и Прохор, посматривающий на нее с явным недоумением. Все звуки канули в небытие, не слышно было даже гроыхания танковой колонны, проезжавшей поблизости по разбитому шоссе.

Из оцепенения Веру вывел рассерженный гудок тяжело нагруженного «студебеккера», кузов которого был закрыт тентом.

Немолодой водитель с густой седоватой щетиной на сухих впалых щеках, злобно выкрикнул:

– Чего тут встала на дороге? Задавят!

Старший лейтенант Колесникова, опасаясь потерять Прохора из виду, отошла на обочину.

В сторону фронта проходили колоннами маршевые батальоны. Новенькие, еще не знавшие солдатского пота гимнастерки резко контрастировали с обмундированием бойцов, шедших нестройными рядами в противоположную сторону, на переформирование. Среди них было немало легкораненых. У кого было перебинтовано предплечье, у кого – кисти рук. На высохших лицах с въевшейся в кожу пороховой гарью была заметна смертельная усталость.

Прохор был поражен неожиданной встречей не меньше Веры. В какой-то момент его губы дрогнули, он что-то произнес, но Вера не расслышала из-за проезжавшего мимо бронетранспортера.

– Я не поняла! – стараясь перекричать грохот, откликнулась она.

В какой-то момент они поняли, что находятся в самом водовороте людского потока. Стоя друг напротив друга, они образовали небольшой островок, который деликатно, опасаясь нарушить хрупкое счастье встречи, обходили стороной солдатские колонны.

– Давайте сюда. – Вера махнула рукой в сторону небольшого хутора.

Там по косогору спускался большой огород с ветхим посеревшим плетнем из тонких гибких стволов.

Им вроде бы и сказать друг другу было нечего. Некоторое время они стояли молча, только подмечали перемены, произошедшие в их внешнем виде за время разлуки. У висков Прохора теперь пробивалась небольшая седина, что, впрочем, совершенно его не портило, даже наоборот, придавало всему облику неотразимую мужественность.

В какой-то момент Вере подумалось, что она невероятно подурнела, и вот сейчас он с разочарованием разглядывает эти новые изъяны.

Но Прохор широко улыбнулся и, словно отвечая на девичьи страхи, мягко уверил ее:

– Вы совершенно не изменились.

Вера поймала себя на том, что не может оторвать взгляда от его лица. На нее прямо наваждение какое-то нашло!

– Очень на это надеюсь, – негромко ответила она, пытаясь унять непрошеное волнение.

– Как-то мы с вами неожиданно расстались. Наше запланированное свидание не состоялось. Мне было очень жаль.

– Мне тоже, – честно призналась Вера.

– Я ведь приходил в госпиталь, но мне сказали, что вы уехали. Я тогда подумал, что вы просто не захотели со мной встречаться.

– Нет, это совсем не так. – Вера виновато улыбнулась. – Мой отъезд для меня самой оказался очень неожиданным. Я должна была сопровождать эшелон с ранеными, очень волновалась, что не смогла вас предупредить.

– Значит, вы вспоминали меня? – Его красивые чувственные губы растянулись в улыбке.

Вере хотелось признаться во всем, сказать, что не забывала она его ни на секунду с той самой первой встречи.

Но вместо этого она бесстыдно соврала:

– Вспоминала. Иногда.

– А вам не кажется, что наша встреча не случайна? Судьба подсказывает нам, что мы должны быть вместе.

Именно так она и подумала. Было бы большой несправедливостью не воспользоваться шансом, предоставленным им судьбой.

Вера чуть повела плечом и неопределенно ответила:

– Я не смотрю так далеко. – Она разглядела в его темных глазах разочарование и тут же добавила: – Но я рада вас видеть.

– Не принимайте меня за навязчивого человека, но мне хотелось бы с вами увидеться. Может быть, сегодня? Что вы на это скажете? Где вы разместились?

– Недалеко от госпиталя. В деревенском доме.

– Вы по-прежнему служите в эвакуационном госпитале?

– Да. А вы где разместились?

– В бараке для офицеров. – Прохор махнул рукой в сторону длинного строения, белевшего свежестругаными бревнами. – Мои соседи разъехались, так что я остался один. Через три дня пойдет вперед и наша дивизия. Так когда мы с вами увидимся? Может быть, часов в девять?

– Давайте лучше в десять, – ответила Вера. – У нас очень много раненых, я могу не успеть.

– Как мне вас найти?

– Это будет вторая изба слева. Вы обещали принести мне сигареты, – напомнила Вера с улыбкой.

– Я не забыл, – сказал майор, расстегнул полевую сумку, вытащил пачку немецких сигарет и протянул Вере. – Берите. Трофейные. Мне сказали, что это женские сигареты. Можете не верить, но я почему-то знал, что мы с вами еще повстречаемся, поэтому и носил эту пачку с

собой. С того самого дня, как мы с вами встретились, она лежала в полевой сумке. Все думал, как только увижу эту милую девушку, непременно ей передам. Хотя, конечно, мне больше хотелось подарить вам розы.

Вера бережно взяла пачку сигарет и заявила:

– Я больше люблю пионы.

– Обещаю, что буду дарить их вам ежедневно.

– Мне надо идти. Я буду вас ждать. – Вера смутилась и быстро зашагала в сторону двухэтажного здания с колоннами, бывшего когда-то барской усадьбой.

Три месяца назад свидеться в назначенное время им не удалось. Нельзя сказать, что Прохор был так уж расстроен этим обстоятельством, но досада присутствовала.

Находясь на передовой, Бурмистров не был обделен женским вниманием. Порой это были случайные встречи, всего на одну ночь, в какой-нибудь деревушке, где-нибудь на постое у одинокой женщины, которая, изголодавшись без мужской ласки, дарила себя ему так неистово, как если бы это была последняя ночь в ее жизни.

Еще в таких случайных встречах всегда присутствовало не только желание, но и что-то сродни жалости. Парень уходил на фронт, возможно, возвратиться ему было не суждено. Жаркая встреча со случайной попутчицей по жизни должна остаться благодарностью за его воинский подвиг. Может быть, солдатик вспомнит эту ночь на смертном одре, прежде чем навсегда смежит очи.

Именно сейчас, когда воспоминания о Полине рассыпались колючими обломками, неожиданно ему повстречалась Вера, удивительным образом напомнившая юношескую и, как выяснилось, единственную любовь.

Женщин у Прохора было немало, но в памяти они не задерживались, куда-то со временем исчезали. А вот Вера, вопреки его желанию, поселилась в ней прочно и, кажется, не собиралась уходить.

Она была шикарнейшей шатенкой. Гимнастерка явно не по размеру, что не давало возможности оценить ее фигуру в полной мере. Лицо усталое, посеревшее. Выглядела она несколько старше, чем была в действительности. В Вере угадывалась искренность, чем никогда не отличалась Полина.

Война приучила его к быстрым и неожиданным расставаниям, но Вера не забывалась. В часы недолгого отдыха он вспоминал старшего лейтенанта медицинской службы, которая на него смотрела так, как ни одна женщина прежде.

Встреча состоялась потому, что он очень этого желал. Почему бы и нет? Ведь не на разных же фронтах они воюют, в одной армии. Не так уж и много в ней эвакуационных госпиталей. Так что если обойти каждый, то можно ее отыскать.

В перерывах между боями, когда полк уходил на переформирование, Прохор тратил все свое время на поиски старшего лейтенанта медицинской службы, женщины, едва ему знакомой.

Это был шестой госпиталь, в который наведалься майор Бурмистров. В предыдущих, преодолевая смущение, он направлялся напрямик к начальнику госпиталя, спрашивал, не служит ли здесь старший лейтенант Вера Колесникова, представлялся ее братом.

Докторши посматривали на него с интересом, порой иронично. Случай был из обычных. В госпитале вечно кого-нибудь ищут, а уж если девушку, то каждый второй представляется ее братом.

Но, уважая погоны старшего офицера и три боевых ордена на широкой груди, майору отвечали с пониманием и советовали обратиться в другой госпиталь. В одном из них, где Вера проработала три месяца, ее помнили очень хорошо. Какая-то сестричка не то в шутку, не то

всерьез, стараясь сделать ему приятное, сказала, что между ним и Верой имеется заметное внешнее сходство.

Прохор Бурмистров уже отчаялся отыскать Веру. Текучка в госпиталях была едва ли не такой же, как на передовой. Менялись начальники и их замы, бывало, что эвакуогоспиталь расформировывался или направлялся на другие участки фронта. Врачи при крайней необходимости попадали в полевые госпитали, откуда подчас не возвращались, получали ранение или погибали.

Так что отыскать нужного человека было нелегко. Радовало то, что находились люди, которые ее встречали, тепло отзывались о ней и говорили с некоторой хитринкой, что повезло ему с сестрой.

Вера увидела Прохора в тот самый момент, когда тот направлялся к начальнику госпиталя подполковнику Борянскому. Он остановил бойцов, проходящих мимо, пытался выяснить, где размещаются больничные корпуса, и был буквально ошарашен, когда услышал рядом ее голос. Ему потребовалось немало усилий, чтобы скрыть свое ликование. Майор сделал вид, что обрадован, не более того. Встреча произошла случайно. Так на фронте бывает. Возможно, потом, когда они будут вместе, он расскажет любимой, каких трудов стоила ему эта случайность.

Заметно волнуясь, Бурмистров подходил к избе, в которой проживала девушка. Надо же такому случиться. Уже далеко не мальчишка, повидал немало, в глаза смерти смотрел не единожды, а тут вдруг сердечко забилося чаще привычного.

Он постучался в дощатую дверь. Дождаться ему пришлось недолго. В глубине помещения раздались быстрые шаги, через секунду шваркнула щеколда, и в открывавшемся проеме Прохор увидел Веру с сияющим лицом.

– Проходите, – сказала она и слегка отступила в сторону. – Я только что пришла с дежурства.

Прохор вошел в комнату. Тонко скрипнувшие половицы как будто выдали его робость. Потолок низкий, хата небольшая. В стесненном пространстве он в полной мере ощутил неуклюжесть своего большого и сильного тела.

Бурмистров обратил внимание на то, что Вера переоделась, не иначе к его приходу. У здания госпиталя военврач была одета в женскую гимнастерку и юбку. Сейчас на ней было льняное голубое платье. Гибкую талию стягивал узкий кожаный ремень.

Он невольно задержал взгляд на ее ладной фигуре. Это не укрылось от Веры, и она сдержанно улыбнулась. Внимание гостя ей было приятно.

Он приподнял в руке холщовую сумку и произнес:

– Тут бутылка вина. Досталась по случаю. Как знал, что вас встречу. Тушенка, шматок сала, хлеб, сгущенка. Все как полагается.

– А шоколад не позабыли? – спросила Вера, весело улыбнувшись. – Все девушки любят сладкое.

– Как же можно, – охотно откликнулся Прохор, расстегивая полевую сумку. – Вот и шоколад. – Он протянул ей пару плиток.

– Даже две. Меня так никто еще не баловал.

Прохор поймал себя на том, что ему очень легко с Верой. Как-то само собой исчезло напряжение, какое возникает поначалу при общении с малознакомыми людьми. Не было опасения сказать что-то не так, показаться смешным или неуклюжим. Все происходило просто и естественно, как бывает с людьми, которые знают друг друга не один год.

Они прошли в комнату. Посередине ее стоял круглый стол, сооруженный из обыкновенных горбылей. Не до шика. Война на дворе!

На столе в небольшой плетеной вазочке из лыка лежали нарезанные куски белого хлеба, на небольшой дощечке – тонкие кусочки мяса. Вера его ждала. По телу майора прокатилась приятная теплая волна.

Они сели за стол. В платье Вера выглядела особенно привлекательно. Самая обыкновенная, как и большинство женщин. Не холодная королева с надменным взглядом, а простоя девчонка из соседнего двора, своя, очень понятная, с которой легко общаться, приятно знать, что всегда встретишь в ее лице участие и понимание. Именно такие девушки бывают хорошими женами, а полюбив однажды, хранят верность всю жизнь.

Вера смотрела на него не отрываясь. Так разглядывают своих мужчин только любящие женщины.

Прохор едва не застонал.

«Полина!.. Что же со мной такое происходит? Почему все складывается совсем не так, как мечталось в юности? Зачем я все время думаю о женщине, с которой никогда не буду вместе? Что же у меня за судьба такая, вся с изгибами да ухабами? Так накрыло, что и не выбраться».

Вере достаточно было улыбнуться, чтобы показать все свое обаяние, пленяющее всякого мужчину. Сгрести бы ее в объятия, мять, тискать, наслаждаться девичьим теплом, так нет, ему королеву подавай!

– Может, перейдем на «ты»? – предложила Вера.

– Конечно, – охотно поддержал ее Прохор.

– Что это я вдруг уселась? – с тревогой проговорила хозяйка. – Ты, наверное, голоден. Давай я сейчас все разложу по тарелкам. Я тут рис отварила. Никогда особенно его не любила, а тут одна медсестра принесла мне небольшой кулек и сказала, что он очень вкусный. Трофейный. Сварила, так и вправду получилось очень здорово. Я к еще нему морковь и лук поджарила. – Она загремела на плите сковородкой, застучала ложкой, накладывая рассыпчатое угощение в алюминиевые тарелки.

Бурмистров поднялся, подошел к Вере и обнял ее худенькие плечи. Сжимать эту девушку в объятиях было приятно. Он чувствовал, как жаркое тепло проникает в него и понемногу расходится по всему телу. Если так пойдет дальше, то Прохор может просто воспламениться.

Девушка застыла. Теперь тарелка и ложка в ее руках выглядели лишними. Не смея пошевелиться, Вера осторожно посмотрела на Прохора, не спешившего разжимать объятия. Так они и стояли, не шевелясь, наслаждались близостью.

– Может, ничего не нужно? – слегка осипшим голосом произнес Прохор. – Я не голоден.

– Хорошо, – ответила девушка и аккуратно, стараясь ненароком не расцепить нежные объятия, положила сковородку на плиту.

Рядом она так же бережно поставила алюминиевую тарелку, слегка звякнувшую о стол.

Его руки в какой-то момент разомкнулись, но лишь для того, чтобы уже в следующее мгновение скользнуть по ее платью, нежно, но очень уверенно. Остановились они у талии, как будто спрашивая разрешения, не почувствовали ни малейшего протеста и принялись неторопливо, спокойно расстегивать ремень.

Вера боялась пошевелиться, целиком находилась во власти сильного и такого желанного мужчины. На сегодняшний день она его наложница, рабыня. Он волен поступать с ней так, как ему заблагорассудится.

Расстегнутый и аккуратно свернутый ремень Прохор положил на стол рядом с нарезанным мясом, которое он так и не отведал. Сейчас ему было не до него.

Он слегка отстранился от девушки и посмотрел ей в лицо. Блики горевшей керосиновой лампы падали на ее слегка покрасневшие щеки, оставляли глубокие тени на скулах, отчего Вера казалась ему еще более загадочной. Взгляд внимательный, довольно строгий, такой бывает у учительницы старших классов.

«Самое время избавиться от наваждения под названием Полина. Похоронить ее образ в закоулках памяти, без всякой надежды на воскрешение. Воспоминания всегда тянут в прошлое, не дают возможности думать о будущем, выстраивать планы. Рядом с тобой сейчас находится девушка, которая тебя обожает. Чего еще нужно? Остайся с ней. Прекрасно быть любимым и любить».

Глаза Веры светились счастьем. Такая женщина ради любимого человека шагнет в глубокий омут и ничего не потребует взамен. Главное, чтобы он оставался рядом.

Некоторое время они смотрели в глаза друг другу.

Потом Вера, словно опасаясь спугнуть нежданное счастье, крепко обхватила Бурмистрова, прижалась к его груди и негромко произнесла:

– Любимый, как же долго я тебя ждала.

Ладони Прохора заскользили по узкой девичьей спине. Потом он медленно, наслаждаясь каждым мгновением, стал приподнимать платье, оголять красивые ноги, спрятанные в офицерские сапоги.

– Не торопись, мой родной. Я сама. – Вера аккуратно принялась расстегивать пуговицы у самого воротника, все больше обнажая грудь. – Ты чего так смотришь? – Она смутилась под пристальным мужским взглядом. – Что-нибудь не так? Нам просто выдали такие лифчики, мне пришлось немного его ушивать, иначе неудобно. Спасибо и на этом, а то ведь в начале войны никакого нижнего женского белья вообще не было. Мы в широких мужских трусах ходили. Как в шароварах!

Прохор улыбнулся.

– Я не о том. Просто смотрю, какая ты прекрасная. Не могу на тебя наглядеться.

– Мне никто таких слов не говорил, – смущенно сказала Вера.

Расстегнутое платье обнажило крепкое девичье тело.

– Это только начало, – проговорил Бурмистров. – Все самое интересное у нас с тобой впереди.

Прохор подхватил девушку на руки, прошел в комнату и бережно положил ее на панцирную кровать, бесшумно принявшую легкую ношу.

– Нужно задернуть занавески, – подсказала ему Вера. – С улицы могут заметить.

– Нам некого бояться, теперь мы с тобой всегда будем вместе, – пообещал ей Прохор.

Через распахнутую форточку в комнату вместе с запахами цветов, разросшихся под окном, пробивалась вечерняя свежесть. Огромная луна забралась на самый небосвод и заливала окрестности бледным мертвым сиянием. Дорога пустынная. Никакого транспорта поблизости не было. Только где-то вдалеке, совершая свои маневры, грохотала тяжелая техника.

Задернув занавески, Прохор подошел к кровати, на которой поверх байкового одеяла лежала девушка, совершенно не стесняясь своей наготы. Аккуратно сложенное платье она пристроила на табуретку.

Вера протянула к Прохору руки и произнесла:

– Иди ко мне, мой желанный. Только не торопись, я хочу, чтобы эта ночь продолжалась бесконечно.

– Мне этого тоже хочется. Нам некуда торопиться, милая.

Наэлектризованные, обнаженные, они лежали рядышком как оголенные провода, способные выстрелить искрой.

– Кажется, я наконец-то нашел свой дом.

Глава 3

Мальчики Гитлера

Положение на фронтах оставалось для немцев катастрофическим. Тяжелые бои шли в Померании, в Западной и в Восточной Пруссии. Русские танковые колонны обошли Познань и, не встречая особого сопротивления, широким фронтом двигались к Одру.

Армейские корпуса Первой армии под командованием генерал-полковника Йоханнеса Бласковица продолжали отступать под нажимом войск союзников, а Девятнадцатая армия оказалась в Кольмарском котле, и шансов выбраться из крепких американо-французских объятий у нее становилось все меньше. В окружении Гитлера мало кто сомневался в том, что в ближайшие недели она будет уничтожена.

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, назначенный командующим группы армий «Висла», плевать хотел на распоряжения начальника штаба сухопутных войск Гейнца Гудериана и совершал одну стратегическую ошибку за другой. Создавалось впечатление, что он делает все возможное, чтобы проиграть военную кампанию.

Первая и самая главная его промашка состояла в том, что он пренебрег услугами опытного штабиста генерал-майора Вальтера Венка. Вторая сводилась к тому, что свой командный пункт Гиммлер разместил вдали от театра военных действий, в маленьком, но красивом средневековом городке Шнайдемюль, основанном еще всемогущими тамплиерами.

Вместо того чтобы нормализовать ухудшающуюся обстановку на фронте и активно включиться в военные дела, он большую часть времени проводил в специальном поезде, оборудованном под штаб-квартиру. Тут-то и обнаружилась третья ошибка. В поезде отсутствовали радиоустройства и сигнальные службы, а единственная телефонная линия постоянно была перегружена. В результате Гиммлер практически потерял связь с группой армий «Висла», не имел возможности ни получать оперативные сообщения, ни отдавать приказы.

Ко всему этому весьма некстати проявилась сонливость этого субъекта, который обычно почивал до обеда, а потом еще два часа тратил на ежедневный массаж. Так что на фронтовые дела у него оставалось не более полтора часов чистого времени.

Настроение у фюрера теперь постоянно было скверным, под стать ситуации на фронте. Пошел десятый день, как он запретил звать гостей, обедал только в обществе Евы Браун и секретарш. Прежде такого не наблюдалось.

В канцелярии подмечали, что в последние дни Адольф Гитлер особенно сблизился с Мартином Борманом. Оставшись вдвоем, они часто совещались о дальнейшей судьбе рейха и партии.

26 января Борман пришел к фюреру с докладом. В руках он держал черную папку с несколькими страницами напечатанного текста. Гитлер что-то писал за небольшим столом. Выглядел он осунувшимся, усталым, веки припухли, глаза красные, щеки такие дряблые, как у семидесятилетнего старика.

– Садитесь, Борман. – Гитлер показал на стул, стоявший с противоположной стороны стола. – Наша с вами задача – спасти партию, которую мы создали. У вас есть конкретные предложения на этот счет?

– Да, мой фюрер, именно с этим я и пришел к вам, – уверенно произнес руководитель партийной канцелярии, присел на стул и преданно посмотрел в глаза Гитлеру.

– Что вы предлагаете? – устало спросил фюрер. – Только давайте кратко, скоро у меня совещание.

Из пятидесятилетнего крепкого жизнерадостного мужчины Адольф Гитлер понемногу превращался в ветхого брюзжащего старика. Вещи, к которым он прежде относился весьма

спокойно, вдруг начинали его раздражать. Никогда невозможно было предугадать настроение Гитлера, а тем более его реакцию на возможные возражения. Даже самые заслуженные генералы после беседы с ним лишались своих должностей. Случайно оброненная фраза совершенно неожиданным образом могла привести Гитлера в бешенство, внушавшее страх всем и каждому.

Сейчас фюрер предстал перед Борманом усталым, разбитым, обескровленным, желавшим только одного – покоя. Но именно этого он и не получал. Его тело катастрофически слабело с каждым днем. Не помогали даже возбуждающие уколы доктора Мореля.

Борман обратил внимание на то, что Гитлер бережно положил правую ладонь на подрагивающие пальцы левой руки. Могло показаться, что он обрел душевное равновесие, но в действительности здоровье фюрера все ухудшалось. Борман как никто другой знал о его плохом состоянии. Ситуация на Западном и Восточном фронтах все больше походила на катастрофическую. Русские двигались широкой лавиной от Прибалтики до Карпат. У вермахта уже не было сил на то, чтобы противостоять этому натиску.

Еще каких-то четыре года назад все безоговорочно верили в избранность фюрера. Ему было подвластно буквально все! За ним слепо следовала вся немецкая нация, верила в его предназначение. Политическая воля Гитлера была настолько сильна, что от одного произнесенного им слова мгновенно взрывалась ревом ликования целая площадь.

Адольф Гитлер сумел поднять из грязи имперскую кокарду, наделил ее особым смыслом, заставил весь мир заговорить о величии немцев. Фюрер никогда не сомневался в том, что провидение выбрало его из многих миллионов соотечественников, чтобы он стал во главе Третьего рейха, всерьез считал, что своим возвышением осчастливил Германию. Гитлер слепо верил в то, что на него возложена величайшая миссия. Он должен поднять немецкую нацию на такую высоту, какой не достигал ни один народ из когда-либо существовавших на нашей планете.

Большая часть немцев разуверилась в миссии фюрера после поражения под Москвой. Всем стало ясно, что легкой прогулки по России не будет. Германия содрогнулась от большого количества гробов, которые стали прибывать на родину. Вскоре погибших солдат и офицеров оказалось столько, что их стали хоронить в чужой земле, наспех воздавая воинские почести.

Сейчас русские армады уже преодолели Вислу, буквально колотили тараном в ворота Третьего рейха. Пройдет день-другой, запоры государства не выдержат, врата рухнут на землю под натиском варваров, станут настилом для русских орд в их дальнейшем продвижении на запад.

Но даже сейчас, когда многие немцы разочаровались в миссии Гитлера, на фронтах оставалось немало солдат, продолжавших противостоять полчищам русских и по-прежнему веривших в его избранность.

– Мой фюрер, наша партия всегда опиралась на молодежь. Она – наше будущее. Я предлагаю отозвать с Восточного фронта всех членов «Гитлерюгенда». Включая и тех, кто сейчас находится в рядах фольксштурма в качестве командиров.

– Очень разумная мысль, Борман, – после минутного молчания с ледяным спокойствием произнес Адольф Гитлер.

В этот момент он напомнил Борману прежнего фюрера, какого тот знал в зените политической карьеры, уверенного в выполнении миссии, доверенной ему свыше, с несгибаемой волей. Только левая ладонь, стыдливо прятавшаяся под правую руку, возвращала партайгеноссе в действительность. Перед ним был человек, преждевременно постаревший, больной, но продолжавший играть роль того фюрера, от которого осталась только блеклая тень.

– Я тоже об этом очень много думал, – продолжил Гитлер. – Нужно отправить моих мальчиков в Западную Германию. В первую очередь это касается школ «Орденсбург» и «Адольф Гитлер». Сейчас они воюют в Западной Пруссии и Силезии за своего фюрера, Третий рейх и делают это достойно!

Рейхсканцлер немного помолчал. В школах «Орденбург» и «Адольф Гитлер» готовились молодые кадры для руководителей национал-социалистической партии. Туда посылали самых лучших представителей молодежи, которые должны были еще выше поднять знамя национал-социалистической партии. Гитлер всерьез полагал, что с его физическим уходом начнется настоящая жизнь, которую понесут дальше эти верные мальчики.

– Мы их сохраним для дальнейшего существования нашей партии. Лучше всего будет, если они переберутся в область Алльгой. Там наша древняя германская земля. Она укроет моих юношей и не даст их в обиду. Другую часть нужно будет отправить куда-нибудь в Баварские Альпы, например в район Бад-Тэльц-Ленгрис. Будем реалистами, Борман, скоро эти земли займут американские и английские войска. Мы никак не сумеем противостоять этому. Сделайте вот что. Напишите для наших мальчиков подробную директиву о том, как им следует поступать после окончания войны. Воспитанники «Гитлерюгенда» никогда не должны забывать, что они – будущее Германии. Именно им предстоит возрождать наши идеи, сделать нашу партию еще более могущественной, чем она была ранее. Все эти юноши должны полностью уйти в подполье и никоим образом не выдавать себя ни взглядом, ни речами, ни поведением. Они должны слиться с местным населением, знать, что понадобятся Великой Германии, когда придет подходящее время. Пусть они будут лояльны к англо-американцам и занимают в послевоенное время административные посты. Когда американцы с англичанами уйдут, вся земля будет принадлежать нам! Наша идея не умрет, останется жить вместе с ними. Мой дух восстанет из могилы и вселится в них, будет помогать им и поддерживать во всех начинаниях. Нам нужно подобрать ответственных людей, которые сумели бы укрыть юношей и руководить подпольем. Кого бы вы смогли порекомендовать для этой цели?

– Лучше всего подходит доктор Петтер Курт, мой фюрер, – немедленно ответил Борман. – Он постоянно работал с отрядами «Гитлерюгенда», проявил себя как хороший организатор и воспитатель.

Адольф Гитлер одобрительно кивнул. Врач Петтер Курт был одним из самых ярких сторонников национал-социализма, как никто другой подходил для исполнения планов, задуманных Гитлером. Сразу после его вступления в национал-социалистическую немецкую рабочую партию ему было поручено командовать отрядом «Гитлерюгенда» в Веймере. Было в этом сухощавом волевом человеке что-то от кадрового военного. Его старания по воспитанию подрастающего поколения были замечены и обеспечили ему очень неплохой карьерный рост. Доктор Петтер Курт обожал своих воспитанников, гордился их достижениями. Многие из них впоследствии заняли руководящие должности в подразделениях СС, а его любимец Отто Гюнше стал личным адъютантом самого фюрера.

Среди них было немало и таких парней, которые, достигнув семнадцатилетнего возраста, воевали в танковых подразделениях на Западном фронте. Несмотря на юность, они нисколько не уступали в мастерстве американским и английским танкистам, а в героизме даже превосходили их.

Особенно удачно эти юноши действовали во время вторжения союзников в Нормандию. Так, например, Двенадцатая дивизия СС «Гитлерюгенд» вместе с Двадцать первой танковой дивизией отразили атаку канадцев, уничтожили двадцать восемь танков и разбили пехотный полк «Горцы Новой Шотландии». При этом сами они потеряли всего шесть человек убитыми.

– Мы с вами думаем одинаково, Борман. Другую столь же достойную кандидатуру подобрать невозможно. Петтер – отличный наставник. Переживает за воспитанников как за собственных детей. Он как никто иной подойдет для исполнения миссии, возложенной на него. Но в помощь ему нужно будет определить еще одного человека. Я предлагаю гауптштурмфюрера танковой дивизии СС «Гитлерюгенд» Шлюндера. Мальчики воевали под его началом и обожают этого человека.

– Весьма достойная кандидатура, мой фюрер, – охотно согласился Мартин Борман с этим предложением Гитлера.

– Мне очень прискорбно говорить об этом, но, скорее всего, нам придется оставить Восточную Пруссию и Померанию, – уныло произнес Гитлер. – Русские превосходят нас в численности, техники у них тоже больше. Но мы обязаны спасти высшее руководство Германии. Напишите приказ, а я его подпишу незамедлительно. Пусть гауляйтер Восточной Пруссии Кох вместе со своим штабом переезжает в Баварские Альпы. Я знаю этих людей, они настоящие офицеры и не двинутся с места, пока не получат моего приказа. Туда же переправьте гауляйтеров Данцига и Познани. С их обязанностями теперь справляются коменданты крепостей, обученные военному ремеслу. Гиммлер лично подбирал их и уверил меня в том, что они полностью преданы делу национал-социализма.

Борман обратил внимание на то, что при упоминании Данцига лицо фюрера на какое-то мгновение болезненно исказилось. Особенно горестно он воспринимал успехи русских именно в Восточной Пруссии, считал эти земли сердцевинной Великой Германии.

Что такое Пруссия для германского народа? Это оплот государственности, его краеугольный камень, вокруг которого держится вся нация. Убери его, и тогда не будет не только Пруссии, но и всей Германии. Именно вокруг Пруссии собирались все немецкие земли: Бавария, Гольштейн, Саксония, Вестфалия, Тюрингия.

Пруссия – не просто территория, где больше девяноста процентов населения говорят на немецком языке. Эта земля являлась воплощением духа немецкого народа, его незыблемого единства. Там даже руины помнили о былом величии Германской империи.

Последние два года Борман официально являлся личным секретарем фюрера. Лично для него ничего не изменилось. Он и прежде неизменно присутствовал практически на всех совещаниях, сопровождал Гитлера во всех поездках и даже обеспечивал его быт в резиденциях. В последние месяцы фюрер не решал практически ни одного важного дела, не посоветовавшись со своим личным секретарем.

Усиление руководителя партийной канцелярии не нравилось многим высшим чинам рейха. Борман не только регулировал потоки информации с фронтов, которые самым негативным образом могли повлиять на состояние фюрера, но и ограждал Гитлера от всякого чело- века, который был способен принести ему скверные вести.

Борману казалось, что он понимает фюрера гораздо лучше, чем кто-либо другой из его окружения. Сейчас он наблюдал за тем, как Гитлер испытывает почти физические страдания. Они стали результатом решения, только что принятого им, и болезненно отражались на его лице, обычно весьма скупом на эмоции.

Борман был предан фюреру с того самого момента, когда впервые увидел его в Мюнхене и был буквально очарован его пламенным выступлением. Все неурядицы, которые сыпались на Гитлера в последнее время, он воспринимал как личные несчастья.

Неожиданно фюрер улыбнулся и спросил:

– А знаете, Борман, о чем я больше всего жалею?

– Нет, мой фюрер.

– Я так и не научился кататься на велосипеде. В детстве у меня его не было, а садиться на него позже стало уже ни к чему. Это забавное увлечение как-то прошло мимо меня.

Мартин Борман промолчал. Он подумал, что сейчас не самое подходящее время для того, чтобы усадить фюрера на велосипед. Однако Гитлер сейчас и не ожидал от личного секретаря поддержки. Его взгляд, устремленный в прошлое, на какое-то время потеплел.

– У нас подрастает очень хорошее поколение, Борман. Его нужно сбересть, – заявил он. – А какую трепку наши парни задали американцам и англичанам в Нормандии!

– Двенадцатая дивизия СС «Гитлерюгенд», – охотно отозвался на это Борман. – Совсем мальчишки, однако дрались как взрослые мужчины.

– Они настоящие воины! В районе Фалез дивизия «Гитлерюгенд» целых тридцать дней сдерживала англо-американские войска, позволила нашим частям выйти из окружения. Тогда погибло очень много наших славных мальчиков. Цвет немецкой нации.

– Это так. Но они знали, во имя чего умирают.

– У наших юношей не только крепкие мускулы, но и очень сильная воля. Она пригодится, когда им придется заново отстраивать Германию.

– Именно так, мой фюрер. – Лицо Бормана с крупными чертами как-то заметно потяжелело, а высокий, без морщин, лоб круто выступил над переносицей.

Адольф Гитлер не обладал ни крепким телосложением, ни гренадерским здоровьем, но требовал от воспитателей «Гитлерюгенда», чтобы они как можно больше времени уделяли именно физической подготовке. Учеба в военных заведениях закаляла и тело, и характер. Порой занятия напоминали школу по выживанию в трудных условиях. Мальчики каждый день должны были доказывать воспитателям свое мужество и отвагу.

Испытания, которые преодолевали юные воспитанники, больше подошли бы тренированным бойцам. Парня, не умевшего плавать, заставляли прыгать с трехметровой вышки. Бедолагу вытаскивали из воды только после второго его появления на поверхности воды. Просить помощи запрещалось.

Тем, кто умел хорошо плавать, доставалось куда более суровое испытание. Зимой на реке вырубались две проруби на расстоянии десяти метров. Воспитанник должен был проплыть под водой от одной до другой.

Значительная часть юношей, пройдя школы «Гитлерюгенда», вступала в подразделения СС. Эти рослые, плечистые парни с южным загаром на лицах разбили самые крупные армии Европы и раньше других вошли в Советскую Россию. Вот только от того первого состава «Гитлерюгенда» мало кто уцелел. Большая часть этих бойцов полегла на полях России, но до конца жизни они остались верными идеям национал-социализма и своему фюреру.

– Прежде чем отправить Петтера и Шлюндера на запад, проведем секретное совещание. О нем не должен знать никто. Пригласите только мое ближайшее окружение.

– Хорошо, мой фюрер. Когда планируется совещание?

– Давайте соберемся через неделю.

Глава 4

Новое задание

Советские дивизии вышли на боевые позиции. Передвижение огромного скопления войск для гарнизона крепости прошло незаметно, чему способствовала небывалая темная ночь и сопутствующий отвлекающий фактор. В работу включилась Вторая гвардейская минометная дивизия реактивной артиллерии. «Катюши» спрятались в тыловой глубине, за тремя деревьями, в чистом поле с остатками неубранного турнепса и дали несколько залпов по крепостным стенам Познани. В районе императорского дворца воспламенились склады с горючим. К небу поднялись тяжелые черные смрадные тучи.

Из Познани, с закрытых позиций энергично били стодвадцатимиллиметровые минометы и стопятидесятимиллиметровые безоткатные пушки. Взрывы старательно рыхлили землю вблизи передовых советских позиций.

Им в ответ из глубины прифронтовой зоны тяжело и раскатисто загрохотали гаубицы, укрытые за чернотой леса. Они надежно подавляли немалый шум, производимый танками, выдвигающимися на позиции.

Генерал-полковник Чуйков дал артиллерии команду прекратить огонь, когда ему доложили, что дивизии вышли на рубежи атаки, развернули огневые средства и теперь ждут сигнала, чтобы приступить к штурму.

Гаубицы умолкли.

Некоторое время с крепостных стен Познани вяло отбредивались минометы, давая понять, что гарнизон готов к предстоящему штурму. Потом умолкли и они.

Чуйков вновь приник к стереотрубе. Познань, подсвеченная пожарищем, полыхавшим вблизи крепостных стен, на сей раз выглядела особенно сумрачно. С наскока такой город не взять, это совсем не тот случай. Но он непременно падет. Остается только вопрос: какой ценой? Обернется ли это вторым Сталинградом, когда пришлось воевать за каждую улицу, дом, этаж, шли бои на уничтожение, или же немцы теперь будут сдавать один форт за другим?

А что, если попробовать избежать предстоящего сражения? Ведь командование гарнизона не может не понимать, что город обречен. Взятие Познани – всего лишь вопрос времени.

– Виталий Андреевич! – Командующий повернулся к начальнику штаба, что-то мерившему на оперативной карте металлической линейкой. – Давай предложим немцам жесткий ультиматум – сдать город! Заявим, что у них нет другого выхода. В случае дальнейшего сопротивления они будут уничтожены!

– Предложить-то, конечно, можно, – сдержанно отреагировал на это Белявский. – Вот только я не уверен в том, что они согласятся.

– А ты что думаешь, Алексей Михайлович? – обратился Чуйков к члену Военного совета армии генерал-майору Пронину.

– Мысль хорошая, – ответил тот. – Может, и пройдет. Жить-то каждому хочется. Я тут своих агитаторов подключу. Они зачитают через громкоговорители все, что нужно. На что уделить особое внимание в обращении?

– Нужно обрисовать общую картину, сообщить гарнизону о том, что сейчас происходит на других фронтах. Врать не стоит, сказать лучше так, как есть. Боевая обстановка на всех участках у немцев выглядит удручающей. Город остался в окружении, соседние немецкие части уже давно отошли к Одеру. Дадим им на обдумывание нашего предложения три часа. Если откажутся, будем штурмовать город, но в этом случае пусть на наше милосердие не рассчитывают.

– Приказ понял. Сделаем все так, как нужно, лично займусь, – член Военного совета генерал-майор Пронин открыл тяжелую металлическую дверь и шагнул в невысокий узкий проем.

Самые важные информационные сообщения генерал-майор Пронин составлял сам. Подобное происходило не часто, но сегодняшний случай был особенный. Распоряжение ему отдал сам командующий армией. Кто знает, а вдруг удастся взять город без крови? Случалось, конечно, когда немцы оставляли без боя какой-нибудь населенный пункт, но вот чтобы такой крупный и важный центр, такого не было ни разу.

Устную пропаганду Красная армия всегда вела очень активно. Чаще всего она проходила прямо на переднем крае, откуда агитаторы сообщали немецким подразделениям о скверном положении дел на фронте. Нередко обращение к противнику было адресным, если разведке удавалось узнать звание и фамилию командира соединения, а то и просто какого-нибудь рядового пехотинца. Такая работа давала результат, обеспечивала сильный психологический эффект. Нередко зачитывались перехваченные письма родственников солдат вермахта. Речь в них шла о том, что в действительности в Германии дела обстоят далеко не так радужно, как сообщает доктор Геббельс. Гражданские люди в тылу испытывают настоящую нужду. Такие письма больше всего били по нервам солдат, сидящих в окопах и переживавших за свои семьи. Значительную помощь в устной пропаганде оказывали перебежчики, по себе знавшие беды солдат и открыто говорившие об этом.

В ежедневных устных передачах они рассказывали об успехах Красной армии, что не могло не подтачивать боевой дух в рядах вермахта. Нередко после удачного эфира на советскую сторону с листовками в качестве пропусков переходили целые подразделения. Чем ближе наши войска приближались к Берлину, тем больше появлялось немецких солдат, желающих воткнуть штык в землю.

Вернувшись в штаб, генерал-майор Пронин полистал материалы о перебежчиках. Их было немного. Чаще всего они становились агитаторами, работавшими с громкоговорителями. Эти люди заползали на нейтральную полосу, закапывались как можно глубже в землю, маскировались дерном и ветками, а потом через конусовидную жестяную трубу зачитывали послание, адресованное точно таким же солдатам вермахта, какими прежде были и они сами.

Техническое оснащение этого процесса в ходе войны менялось. Сейчас все больше использовались звуковещательные установки на базе грузовика с выносным рупором, часто закрепленным на лыжах или колесах. Такие машины практически ежедневно передвигались вдоль линии фронта и подчас одолевали значительные расстояния. Зимой рупор чаще всего закреплялся на санках, которые под прикрытием ночи можно было перевезти на любой участок.

Полистав материалы допросов немецких перебежчиков, генерал-майор Пронин не без удивления отметил, что многие сведения, полученные от них, в информационно-психологическом воздействии на противника использованы пока что не были. А зря! В рассказах перебежчиков фигурировали конкретные фамилии командиров и солдат, которые стоило бы упомянуть.

В первую очередь следовало рассказать о деяниях коменданта крепости генерал-майора Гонелла, убежденного нациста. Другого на такой важный город не поставили бы! Этот матерый фриц только за последнюю неделю подписал приказы о расстреле трех офицеров и одиннадцати солдат за разговоры о высоких боевых качествах Красной армии.

Генерал-майор Пронин взял из папки чистый листок бумаги и принялся быстро писать:
«Немецкие солдаты и офицеры! Вас предали, вы находитесь в окружении частей Красной армии, передовые отряды которой уже подошли к Одере и скоро станут штурмовать Берлин. Вас же оставили в Познани умирать за интересы нацистской верхушки. Только такие отпе-

тые нацисты, как комендант города генерал-майор Гонелл, могут гнать своих солдат на верную смерть. Коменданта города как военного преступника ожидает трибунал и заслуженная кара...»

Генерал-майор Пронин закончил писать ультиматум и внимательно перечитал его. Со ссылками на конкретные фамилии немецких офицеров послание получилось эмоциональным, приобрело большую достоверность, что весьма важно в агитационной работе. Оставалось только перевести его на немецкий и отдать в политотдел армии.

Генерал-майор вызвал адъютанта, белобрысого ухоженного старшего лейтенанта лет двадцати пяти, и распорядился:

– Отнеси в политотдел армии. Там у них есть четверо офицеров, вполне прилично знающих немецкий. Пусть немедленно переведут. Хотя капитан тут один неплохо это делал. Он из разведки, кажется.

– Капитан Велесов.

– Точно, он самый и есть. Пусть переведет. Объяснишь ему, что дело срочное. Только поделикатнее с ним, он парень с характером. Давить не нужно, не тот случай. Этот Велесов и так жилы из себя рвет, чтобы штабу помочь. Было бы хорошо, чтобы он еще сам и прочитал текст перед немцами через громкоговоритель.

– Понял вас, товарищ генерал-майор.

Капитан Велесов внимательно посмотрел на старшего лейтенанта и с неохотой взял у него листок, на котором убористым разборчивым подчерком был написан ультиматум, адресованный немцам. Михаил прочитал текст. Слова резкие, грамотные, очень правильные. От них пахло порохом.

Лампа-коптелка, изготовленная ротным умельцем из стреляной гильзы сорокапятимиллиметровой пушки, под которой для безопасности лежал кусок аккуратно вырезанной жести, бросала красное пламя на лист. Оно делало его кровавым.

У Михаила имелись все основания отказать в просьбе старшему лейтенанту. Неважно, что он адъютант генерал-майора Пронина. В политотделе армии есть офицеры, прекрасно владеющие немецким. Но вот на его личную беду прошел слухок о том, что в этом деле он лучший. Потому и несут ему с тех пор всякие воззвания в то самое время, когда он имеет право отдыхать. Если так пойдет и дальше, то отцы-командиры вообще пригласят его на должность штатного толмача.

Полтора часа назад капитан Велесов с группой, состоявшей из четырех человек, перешел Варту и углубился на территорию немцев для уточнения передовой линии. Они выявили ложные окопы с макетами танков, а у самой крепостной стены обнаружили две хорошо замаскированные огневые точки с пулеметами «МГ-34» на станках. О результатах тотчас было доложено по радио в штаб дивизии. Там обещали, что эти места будут накрыты артиллерией перед самым наступлением.

Обратно разведчики выбирались тяжело. Перед нейтральной полосой они угодили под осветительную ракету, были обнаружены, обстреляны из стрелкового оружия и закиданы минами. В результате один боец был убит выстрелом из винтовки, а другому осколки разорвавшейся мины перебили обе ноги.

В какой-то момент, когда мина шандарахнула рядом, капитану Велесову подумалось, что это последний его переход через линию фронта. Однако гнутый пушечный лафет, за которым он прятал голову, мужественно принял на себя весь ворох раскаленных осколков.

Часа полтора они лежали под непрерывным огнем. Когда грохот малость поутих, разведчики подхватили убитого и раненого, стали перебираться от одной ямы к другой. Они прятались за кочки, заползали в расщелины и ложбины, пока не добрались до нейтральной полосы, на которой стоял старинный костел, покалеченный снарядами.

Укрывшись за его стенами, бойцы по разрытой снарядами земле проползли еще метров триста до своих окопов, после чего, совершенно обессиленные, скатились на их дно и еще долго пыхтели, не в силах отдышаться. Так что нахлебались герои-разведчики в этот раз полной ложкой.

Вернувшись из штаба, капитан Велесов написал похоронку на убитого бойца. Парня было жаль. Пацан совсем, ему едва исполнилось двадцать. Боевого опыта немного. Целый месяц в разведку просился, уважили его наконец-то, а оно вон как обернулось.

Этот солдатик почему-то верил, что даже в этом кошмаре сумеет уцелеть, рисковал понапрасну, удаль свою показывал. Да вот только пуля ни для кого не делает исключений. Вжался бы в землю, сделался бы на несколько минут ее частью, переждал бы пальбу из винтовок, а он, дразня смерть, приподнял голову и тотчас же ткнулся лицом в грязный снег.

До этого парень как-то обмолвился, что где-то на Южном Урале, откуда он был родом, его дожидается красавица-невеста. Не суждено... Вряд ли эта девчонка станет долго горевать. Она выйдет за другого, а вот матери будет тяжело.

Велесову хотелось подобрать подходящие слова, хоть как-то смягчить материнское горе, но в голову лезла всякая казенная канцелярщина. Михаил измотал себя до глубины души, но написал так, как оно и было, поведал матери горькую правду о сыне.

После всего пережитого ему следовало отдохнуть, укрыться байковым одеялом на жестких солдатских нарах, забыться хотя бы на пару часиков глубоким сном и ни о чем не думать. Михаил уже снял с натруженных ног сапоги и вытянулся на лежанке, испытывая каждой клеткой измотанного тела сладостную истому. Тут-то вдруг к нему и явился белобрысый адъютант генерал-майора Пронина.

Обычно на запросы высокого начальства принято реагировать без малейшего промедления, не считаясь ни с какими обстоятельствами. Совершенно неважно, устал ты или нет. Однако в этом случае присутствовала одна тонкость. Формально Михаил мог отказаться от выполнения этого поручения. Дело не его. Специалистов по немецкому языку и без того достаточно. Вдобавок ему по уставу положено хорошо выспаться перед выполнением следующего задания.

Именно поэтому в штаб генерал-майор Пронин капитана не вызвал, велел адъютанту поговорить с ним лично, в его блиндаже. Ход лукавый, ничего не скажешь, не придерешься. Пришел не кто-нибудь из рядового или сержантского состава, а сам адъютант члена Военного совета армии. Обычно таким офицерам не отказывают.

Стараясь не демонстрировать своего недовольства, капитан Велесов прочитал ультиматум.

«У генерал-майора Пронина определенно литературный талант. После войны он наверняка примется писать мемуары», – подумал Михаил, взял со стола остро заточенный карандаш и принялся переводить текст на немецкий.

Он старался писать поразборчивее, так, чтобы буквы ложились одинаковым рядком, управился с этим быстро, перечитал то, что у него вышло. Получилось весьма дельно. Даже где-то художественно.

– Все, готово. Возьми. – Капитан невольно глянул на часы и отметил про себя, что гонец украл у него сорок минут заслуженного отдыха.

Если завалиться на боковую прямо сейчас и проспять часа полтора так, чтобы никто больше не тревожил, то он еще сумеет восстановиться.

– Тут такое дело... – старший лейтенант замялся.

У парня, похоже, проснулась совесть, что совершенно не мешало ему мучить вконец уставшего разведчика.

– Дело очень важное. Вы прекрасно знаете немецкий язык. Может, вы и прочитаете? Дело идет о тысячах спасенных жизней! – старший лейтенант твердо посмотрел на Велесова.

– Прочитать? Перед кем? – осведомился тот.

– Перед немцами, на передовой. Через громкоговоритель.

А вот это уже откровенный перебор! За последние двое суток он практически не спал, трижды ходил за линию фронта. Командование готовило штурм, уточнялись разведанные. Капитан сделал даже больше, чем начальство планировало. Оставалось только удивляться, как он до сих пор не рухнул от усталости.

Капитану Велесову потребовалась долгая минута, чтобы подобрать ответ. На вполне обоснованный гнев у него просто не было сил.

– Я устал, мне нужно немного отдохнуть. Прочитать сумеет любой сержант. Незаменимых людей у нас нет, – проговорил он.

– Никто не сумеет прочитать так, как вы, товарищ капитан. Может, даже обойдется без штурма. Вы должны помочь, – настаивал старший лейтенант.

Несмотря на внешнюю мягкость, этот парень умел добиваться своего.

– Неужели вы не хотите использовать такую возможность, чтобы спасти тысячи солдатских жизней?

Старший лейтенант бил наотмашь по самым чувствительным местам, смотрел твердо и прямо, был уверен в собственной правоте, прекрасно осознавал, что требует чего-то особенного. Обычно в устных информационных сводках были задействованы хорошо образованные бойцы, с десятью классами за плечами, умеющие грамотно читать по-немецки. Но это простые солдаты! Велесов же был офицером!

«Неужели в штабе армии так слепо верят в силу нашей пропаганды? – подумал капитан. – Хотя кто его знает. Каких только чудес на свете не бывает. Три дня назад после одного такого обращения сдался целый взвод немецких пехотинцев».

– Вы предлагаете мне стать агитатором? – с улыбкой спросил Велесов.

– Вы правильно меня поняли, – серьезно ответил старший лейтенант.

– Когда планируется этот... агитпроп?

– Через два часа. Сани с громкоговорителем уже подготовлены. Осталось только заручиться вашим согласием.

– Хорошо. – Велесов не узнал собственный голос. – Я согласен, если это уберет хотя бы несколько жизней.

Усталость, давившая на его плечи, как-то незаметно рассосалась. Странное дело, Михаил даже почувствовал, что стал немного выше ростом.

– Мы вам предоставим сопровождающих.

– Не нужно. Меня проводят разведчики из моего взвода.

– Тогда желаю успеха, товарищ капитан. Как только вам передадут заверенный перевод, можете приступить. – На сухощавом правильном лице старшего лейтенанта отразилось что-то похожее на улыбку.

Он попрощался с Михаилом и быстро вышел из блиндажа.

Капитан Велесов чуть приподнялся и в бинокль осмотрел местность. Ландшафт был ему хорошо знаком. Он уже дважды проползал через это поле буквально под носом у немцев. Впереди, метрах в пятистах тянулась линия неприятельских траншей. На ее флангах располагались огневые точки, каждая с двумя станковыми пулеметами. Они контролируют подступы к окопам. Просто так их не взять. Кровля укреплена бетонными плитами, лежащими под толстым слоем земли, боковые стены защищены естественным нагромождением камней.

Над этим участком возвышалась сопка с крутыми склонами и вершиной, поросшей лесом, с которой просматривался второй ярус далекой цитадели. Идеальное место для ведения устной пропаганды.

Самая удачная площадка для вещания располагалась в неглубокой ложбинке, подходы к которой контролировались нашей пехотой. Достать агитатора здесь можно было только минометами и артиллерией, но для этого немцам потребуются точно определить его местонахождение, а сделать это в кромешной тьме очень непросто.

Обычно агитатора провожают два автоматчика. Они прикрывают его от возможной встречи с противником, убеждаются в том, что тот дошел до нужного места, и только потом возвращаются в окопы. После выполнения задачи агитатор чаще всего следует один по оговоренному коридору, где его на половине пути встречают сопровождающие. Были случаи, когда пропагандиста перехватывала немецкая разведка.

– Да вы не волнуйтесь, товарищ капитан, – сказал заместитель командира взвода разведки сержант Мошкарев, угадав мрачные мысли Велесова. – Поддержим, если что. С обеих сторон выставим дозорные группы. Немцы обойти нас не сумеют. Да и как они вас отыщут? Тьма же кромешная!

С другой стороны, для немцев пропагандист – это ярый коммунист, для которого не жалко и несколько тонн раскаленного железа, начиненного толом.

– Все так, не отыщут, – ответил на это Михаил, глянул на разведчиков, лежащих рядом, и скомандовал: – Пошли!

Не дожидаясь ответа, Велесов проворной ящеркой юркнул в ночь и пополз к сопке через поле, огибая глубокую воронку от разрыва гаубичного снаряда. Следом, подтаскивая за собой сани с рупором, поспешили разведчики.

Они доползли до нейтральной полосы, где из земли выпирали куски железа, то небольшое, что осталось от выгоревшего немецкого зенитного орудия. Неподалеку виднелась исковерканная стереотруба с чудом уцелевшими линзами.

Люди малость передохнули и поползли дальше, под прикрытие подбитого танка «Т-34». Его башня была свернута набок, а ствол, заметно искривленный, уткнулся в землю. Вытащить погибших членов экипажа пока не представлялось возможности. Оставалось ждать, когда будет оттеснена последняя группа немцев, позиции которой острым клином выпирали из крепостных стен. Впереди стояли их противотанковые пушки, уже вдавленные в землю. Разведчикам казалось, что покоренные стволы молча наблюдали за ними.

Бой, случившийся на нейтральной полосе, был скоротечным и очень жестоким. Средний танк «Т-34», шедший в авангарде боевого порядка, сумел расстрелять немецкую зенитку, растащить по сторонам колючую проволоку, поставленную в шесть рядов, преодолеть ров. Он добрался до немецких траншей, но вот преодолеть их не получилось. Снаряд противотанковой пушки, стоявшей в глубине обороны, пробил лобовую броню танка и уничтожил экипаж. Еще через минуту вражеская батарея была подавлена прицельным артиллерийским огнем. От нее остались куски железа, разбросанные по полю, и мертвая прислуга, лохмотьями висевшая на колючей проволоке.

Впереди плавно изгибалась река Варта, скованная по берегам льдом. Дальше стояла крепость Познань.

Капитан Велесов повернулся к сопровождающим и заявил:

– Все, дальше я сам доберусь. Ждите меня здесь.

– Товарищ капитан, вам еще полчаса одному на подъем ползти с этой аппаратурой. Мы вдвоем быстрее управимся, – попытался возразить сержант Мошкарев.

– Назад! Это приказ! Управлюсь сам.

– Слушаюсь, – угрюмо отозвался сержант, подтянул на спину сползающий «ППШ» и двинулся в обратную сторону.

Второй разведчик приостановился, посмотрел, как капитан Велесов толкнул перед собой сани с громкоговорителем, тяжело скользнувшие по вдавленному снегу, и заторопился за сержантом.

Добрый час капитан тащил сани в гору. Остановился он только перед самой вершиной, на которой густо произрастали тонкоствольные чахлые сосенки.

Идеальное место для наблюдения. По ту сторону склона находились блиндажи и землянки, разбитые в щепки во время боя. На самой кромке, спрятавшись за густые кусты, стояла покореженная башня танка, в которой размещался немецкий наблюдательный пункт.

Велесов отцепил от пояса лопатку и принялся окапываться в кустарничке. Земля поддавалась не сразу. Смерзшаяся, напичканная камнями и горелым железом, она держала оборону не хуже немецкой крепости. Когда яма была вырыта, Велесов замаскировал ее ветками, направил рупор в сторону крепости, достал листок и хорошо поставленным голосом, четко выговаривая каждое слово, принялся читать текст.

Глава 5

Начинайте штурм!

С наблюдательного пункта форта «Притвиц», больше других удаленного на восток, расположение русской армии, вытянувшейся по всему фронту, просматривалось очень хорошо. Все оно было испещрено едва заметными неровностями. Скорее всего, это были танки и артиллерийские батареи, укрытые маскировочными сетками.

За прошедшие четыре дня были отбиты три атаки русских. Две из них проходили при поддержке танков.

Следующее нападение следовало ожидать в ближайшие часы. На это указывало затишье, неожиданно установившееся на позициях, а также передвижение войск в глубоких тылах русских, замеченное разведкой.

Абсолютного безмолвия не наблюдалось. Да его и не должно было быть. В окрестных лесах оставались немецкие части, задиристо стрекотали в отдалении пулеметы, изредка громыхали пушки. Но все это не в счет, так, бои местного значения, не влияющие на исход битвы за город. Главное состояло в том, что помалкивали русские гаубицы. Верный знак, что ожидается серьезная атака.

В прошлый раз основной удар Восьмой гвардейской армии русских был направлен именно на восточную часть города. Вряд ли что-то помешает им повторить такую попытку. Русские не могли не видеть, что стены после их артиллерийских залпов заметно обветшали. В некоторых местах появились значительные пробоины, через которые пехота могла проникнуть в крепость. Вот только за внешней стеной стояла еще одна, такая же крепкая.

Гарнизон настроился на предстоящее сражение. Особого напряжения не было, каждый защитник Познани занимался своим делом. Пехота на переднем крае углубляла окопы, запасалась боеприпасами. Отдыхали лишь те, кому это было положено.

Дозорные пристально всматривались в темноту. То и дело взлетали в воздух ракеты, освещали простреливаемое пространство. Артиллеристы подтаскивали к орудиям ящики со снарядами. Иной раз с крепостных стен летели короткие автоматные очереди. К ним подключались пулеметы и винтовки.

Эта перестрелка была вполне объяснима. У некоторых солдат не выдерживали нервы, в любой тени им виделся враг. Нечаянную пальбу нужно было просто перетерпеть.

Командование обороной самой важной, восточной части города генерал-майор Гонелл взял на себя и дважды в день в сопровождении офицеров обходил подразделения. Как и полагалось командиру, он умело подбадривал солдат, старался найти для каждого нужное слово. Дескать, фюрер оказал вам большое доверие, предоставил возможность защищать Познань. Он пристально следит за всем, что происходит в городе.

Отчасти это так и обстояло. Но другую сторону этой правды лучше было не вспоминать. Не исключено, что всем им предстояло умереть здесь, защищая стены крепости.

Проверив посты, Эрнст Гонелл в сопровождении начальника штаба полковника Мартина Ландманна направился в южную часть города, находившуюся под командованием майора Холдфельда, еще месяц назад воевавшего на Восточном фронте. Этот участок охраняли в основном отряды фольксштурма и части люфтваффе.

Гонелл считал, что русские не станут штурмовать город с южной стороны. Слишком неудобные там подходы, далеко от цитадели. На их пути протекает река, которую им предстоит форсировать, конечно же, с большими потерями, а городские стены здесь не уступают в прочности укрепленным фортам.

Комендант посмотрел на майора Холдфельда, выскочившего ему навстречу, и проговорил:

– В последние часы русские очень активизировались, и это мне не нравится. Они затевают что-то серьезное. Нам нужно быть готовым к любым неожиданностям. Отправьте в тыл к русским пеших разведчиков, пусть постараются зайти как можно глубже. Мы должны знать все о намерениях противника!

Начальник штаба отреагировал на это мгновенно.

– Мы только что получили результаты разведки, – заявил он. – По нашим данным, в ближайшие часы русские начнут очередной штурм с восточной стороны.

– Опять с восточной? Русские прекрасно знают, что эта сторона защищена надежнее других. Первые три попытки так вот войти в Познань у них провалились. Что-то мне подсказывает, что они изменят свое решение. Пусть разведчики постараются узнать, где находится самая большая группировка русских.

Генерал-майор Гонелл уже спустился со стены, когда неожиданно услышал голос русского агитатора:

– Немецкие солдаты и офицеры! Вас предали, вы находитесь в окружении.

Гонелл остановился и стал внимательно вслушиваться в обращение, звучавшее на правильном немецком языке. Обычно русские использовали собственных агитаторов, говоривших с явно выраженным славянским акцентом, реже – немецких перебежчиков. Этот же человек имел явно столичное произношение. Неужели в роли агитатора у них берлинец?

– Выявить, откуда вещает этот пропагандист, и сообщить мне! – распорядился генерал-майор, повернувшись к адъютанту.

– Слушаюсь, господин генерал-майор! Потом отдать приказ на уничтожение?

Эрнст Гонелл внимательно посмотрел на адъютанта, отчего тот невольно поежился.

– Я сам отдам приказ, когда это потребуется.

Офицер вытянулся и с готовностью произнес:

– Так точно, господин генерал-майор!

– Выполняйте!

Адъютант немедленно удалился, а сильный голос с правильно поставленными интонациями продолжал:

– Агонизирующая фашистская власть гонит вас на убой. Вами командует отъявленный нацист генерал-майор Эрнст Гонелл. Он будет жертвовать вами до тех самых пор, пока в крепости не останется ни одного солдата. Нам известно, что в ваших рядах немало рабочих и служащих. Некоторые из вас только вчера взяли в руки оружие. Немецкие рабочие не могут быть врагами советским пролетариям, именно поэтому вам нужно перейти на нашу сторону. Мы гарантируем вам безопасность, надлежащее лечение и жизнь. Вам будут созданы хорошие условия. После окончания войны вы вернетесь в свои дома, в родные семьи и окончательно позабудете кошмар, который вам принес нацистский режим Гитлера. Ваше сопротивление бесполезно. Оно приведет к ненужным жертвам. Предлагаем вам сложить оружие и вывесить над воротами белый флаг, который станет обозначением вашей капитуляции. На рассмотрение этого предложения командование Красной армии отводит вам три часа. Если по истечении указанного времени белый флаг не будет вывешен, то мы воспримем это как отказ от нашего гуманного предложения, и весь гарнизон крепости будет уничтожен.

Мимо, заглушая речь агитатора, прокатила зенитная самоходная установка «Вирбельвинд». Ее четыре ствола были направлены в небо. Эта машина весьма успешно показала себя в действиях против скопления пехоты. Уничтожить такую технику русским будет непросто. За девятигранную башню солдаты величали ее коробкой с кексом, но настоящее название самоходки было «Ураганный ветер», что полностью соответствовало предназначению такой машины. Всего за несколько секунд автоматическим огнем она могла уничтожить целый полк.

Из башни высунулась голова командира. Лицо сосредоточенное и строгое, полное решимости. Он знал, что воевать на такой грозной технике почетно. Увидев коменданта крепости, стоявшего на обочине дороги, он вскинул в приветствии руку. Генерал-майор Гонелл лишь одобрительно кивнул в ответ.

Двое солдат просунули в амбразуру стены ствол тяжелого противотанкового ружья, закрепили раздвижные станины лафета, поставили щитовое прикрытие. В сторону бастиона бодро прошагали парашютисты Геринга.

«Русские, сами не понимая того, лезут в огненную ловушку, – подумал генерал-майор. – Каждый метр в городе простреливается из всех видов оружия».

Двое патрульных не замечали Эрнста Гонелла, подошедшего к ним, курили на углу здания и негромко разговаривали. Обыкновенный солдатский треп.

– Франц, тебе не кажется, что у этого русского вещателя берлинское произношение? – усмехнувшись, сказал один из этих солдат, рослый, костистый с широким разворотом плеч.

– Я бы сказал, что этот русский не совсем обычный агитатор. Все свои выступления они начинают с пластинок, а он сразу зачитал ультиматум.

– Торопился. Очевидно, они уже назначили время штурма.

Ответить Франц не успел, заметил коменданта города, вышедшего из-за угла, отшвырнул сигарету, бодро вскинул руку и выкрикнул:

– Хайль Гитлер!

– Хайль! Как настроение? – спросил Эрнст Гонелл.

– Боевое! Будем биться до конца, господин генерал-майор, – охотно ответил Франц. –

Город им не взять.

– Знаю, вы отличные солдаты. Фюрер очень надеется на вас.

К ним подскочил запыхавшейся взволнованный адъютант.

– Господин генерал-майор, наблюдатели выявили местонахождение русского пропагандиста.

– Где же он запрятался?

– Он на втором рубеже, в двадцать четвертом квадрате. Его особенно хорошо видно с наблюдательного пункта Тридцать второго батальона.

Генерал-майор Гонелл прекрасно представлял эту местность с сопкой и двумя неглубокими оврагами. Четыре дня назад эту территорию занимала рота истребителей танков из Четвертой полицейской дивизии СС под командованием капитана Шварцберга. Большая часть этого подразделения полегла при первом же наступлении русских, попытавшихся взять город с ходу. Тогда ими было подбито восемь русских танков. Смертельно раненного Шварцберга солдаты под огнем сумели принести в город, где он и скончался под сочувствующими взглядами сослуживцев.

«Надо отдать должное почившему. Он умел разговаривать с простыми солдатами. Это тот самый случай, когда подчиненные всецело доверяли своему командиру. Кончина столь опытного офицера обернется для нас большими потерями», – подумал Гонелл, не сказал ни слова и быстрым шагом двинулся на наблюдательный пункт Тридцать второго батальона.

Придерживая рукой распахивающиеся полы генеральской шинели, он поднялся на самый верх бастиона. В тесной комнате с узкими амбразурами, проделанными в стене, кроме командира батальона подполковника Гросса находился майор Эверест, отвечавший за западный сектор обороны.

– Господин генерал-майор, разрешите доложить, – после приветствия бодро проговорил командир батальона. – Обнаружен русский агитатор. Этот район у нас хорошо пристрелян. Мы можем уничтожить его одним пушечным выстрелом.

– Почему агитатор пришел именно в это место? Русский наверняка знал, что сопка находится под наблюдением. Он мог выбрать место пониже и куда более безопасное.

– Очевидно, он решил подняться повыше, чтобы вещание было как можно более отчетливым и громким.

– Русский очень рискует. Хочу посмотреть на этого храбреца, – сказал Эрнст Гонелл, иронически хмыкнул и шагнул к амбразуре.

– Он как на ладони, господин генерал-майор, – произнес майор Эверест, протягивая коменданту свой бинокль.

Тот невольно задержал взгляд на его черной поверхности, инкрустированной золотом. Не рядовая вещь, старинная. Выпущена в Берлине компанией Герца. Наверняка досталась майору от деда, такого же кадрового военного.

Гонелл приложил бинокль к глазам и взглянул на невысокую сопку, заросшую кустами. На крошечном плато, изрытом недавними разрывами, он рассмотрел небольшую движущуюся точку. Это был русский агитатор, волочивший за собой сани с рупором. До самой кромки сопки ему ползти оставалось немного, каких-то сто метров. Потом он скроется на противоположном склоне, и достать его будет куда труднее.

Гонелл вернул бинокль майору Эвересту и сказал:

– Пусть ползет дальше. Сегодня у этого русского чертовски хороший день! Я ему даже завидую. Не каждый раз подваливает такое счастье. – Генерал-майор улыбнулся и добавил: – Он даже не подозревает, что сегодняшнее число может по праву считать своим вторым днем рождения. Я оценил его геройство. Пусть русские знают, что мы не боимся ни окружения, ни агитаторов, с нами фюрер! Сделаем вот что. У нас ведь есть снайперы, способные уничтожить цель с расстояния в километр?

– Так точно, господин генерал-майор! – с готовностью ответил подполковник Гросс. – Это унтер-офицер Триста пятого пехотного полка Маркус Шпиц.

– Прикажите унтер-офицеру Шпицу уничтожить громкоговоритель, а русского не трогать. Пусть поймет, что мы подарили ему жизнь.

Понемногу рассветало. Там, где еще совсем недавно зияла чернота, теперь просматривались редкие деревья, порубленные крупными осколками.

Капитан Велесов откинул прочь куски дерна, вылез из норы и пополз к своим траншеям, подтягивая за собой сани с громкоговорителем. Полный рассвет мог застать его где-то на полпути. Михаила не покидало ощущение, что за ним кто-то внимательно наблюдает.

Велесов покинул лесочек и оказался на узком плато, которое могло просматриваться с крепости. Михаил прополз еще метров двести, как вдруг услышал сильный удар по жести. Он повернулся и увидел, что громкоговоритель разбит. Тяжелая пуля угодила в мембраны, без которых трансляция невозможна.

Капитан застыл на грязно-сером снегу, ждал следующего выстрела. Немецкому снайперу не составляло особого труда пригвоздить его к стылой земле. Теперь, когда практически рассвело, он осознал все изъяны выбранной им позиции. Его было хорошо видно с бастиона крепости «Привиц». Именно оттуда и был произведен выстрел.

До спасительной черты, за которой он будет недосыгаем, оставалось ползти метров сто пятьдесят. За это время немец может прикончить его несколько раз. Так почему же он этого не делает?

Капитан вжался в землю, ожидал прицельного выстрела. Через пару минут Велесов понял, что он не последует, и пополз дальше, к траншеям, выделявшимся на фоне ровного поля невысоким земляным бруствером, вытянувшимся кривой линией.

Миновало три часа, однако отдавать приказ на штурм города-крепости генерал-полковник Чуйков не торопился. Ему были памяты ситуации, когда на обдумывание ультиматума немцам требовалось гораздо больше времени, нежели им было отведено.

В Сталинграде произошел такой случай, связанный с капитуляцией.

Бои в городе шли настолько плотные, что расстояние между немецкими и советскими окопами порой составляло пару десятков шагов. Было слышно, как немцы стучали ложками о котелки во время обеда. Положение их было скверным. Они были окружены, взяты в кольцо. Единственное, что им оставалось, так это принять капитуляцию, предложенную Чуйковым. Он предоставил противнику два часа на размышление.

Неожиданно в конце первого часа по всей линии траншей немцы стали одновременно выбрасывать белые флаги. Их было явно больше, чем требовалось по условиям переговоров. Что-то здесь было не так.

Еще через несколько минут в небе появились немецкие самолеты и принялись обстреливать из пулеметов советские позиции. Как выяснилось позже, белые полотнища немцам служили для разграничения своих и русских позиций.

Больших жертв удалось избежать из-за недоверия наших бойцов ко всему непонятному. За две минуты до налета немецких истребителей они попрятались в укрытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.